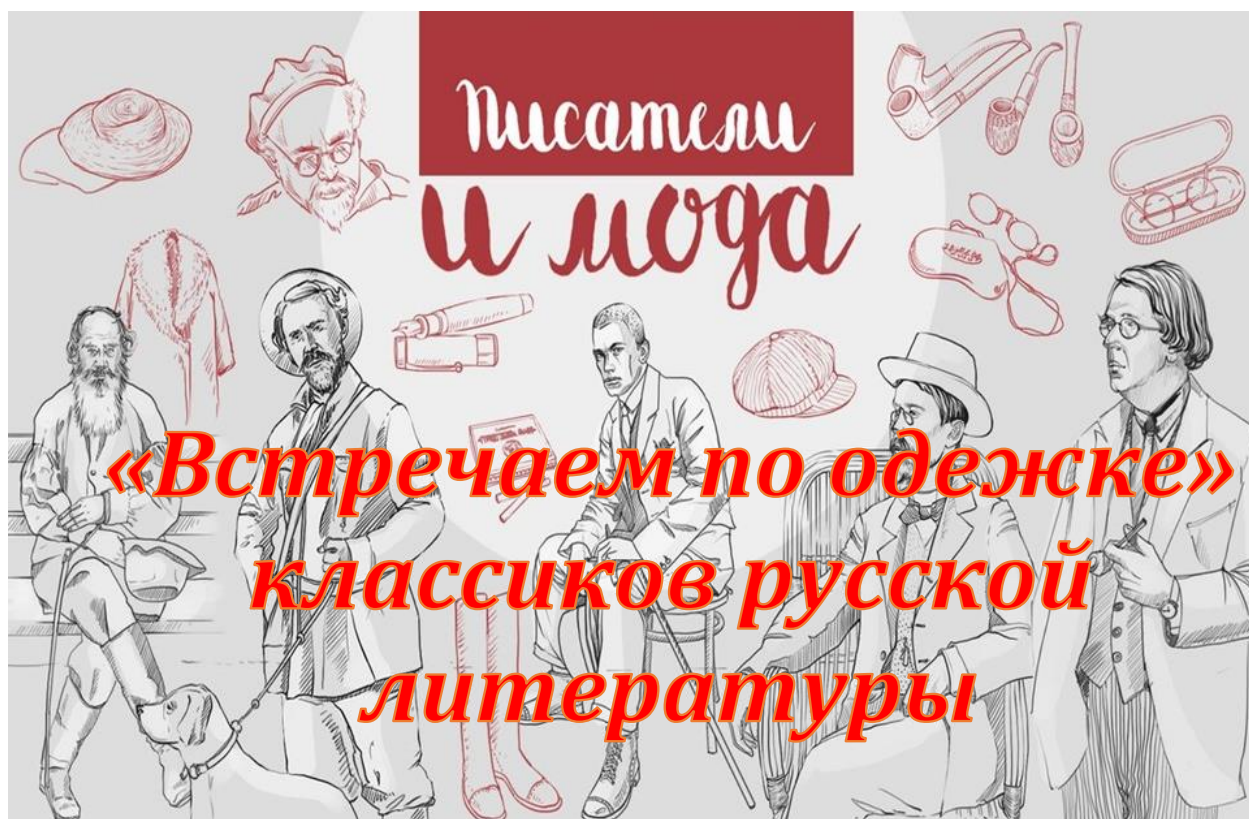

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
ГБУК «САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ»

ВЫПУСК 3
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОДНИКИ»

САМАРА, 2021

Писатели и мода: «Литературные модники» Вып. 3; /ГБУК «СОБМ»; сост. Е.Е. Цупрова;
отв. за вып. Е.А. Иванова.- Самара, 2021.

Уважаемые коллеги! Вашему вниманию предлагается сценарии библиотечных подиумов, посвященных культовым персонажам русской культуры – Л.Н. Толстому и В.В. Маяковскому. Материалы сборника помогут углубленному знакомству с их творческим наследием, особенностями стиля.

Отзывы и предложения просим направлять по адресу:
443110 г. Самара, пр. Ленина, д. 14
Самарская областная библиотека для молодежи
Телефон 8(846) 334 – 45 – 80
Е-mail: ivanova@soub.ru
Сайт Самарской ГБУК «СОБМ» www.soub.ru

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Имидж писателя, как и любого известного человека, складывается из многих составляющих. Это его квартира, увлечения, манера поведения, вещи, которые повседневно окружают в быту. Среди важных факторов формирования визуального образа - какую одежду и как носит человек. Иногда вещи могут рассказать о человеке больше, чем он сам. Неслучайно некоторые из них становятся знаковыми для писателя и даже культуры в целом (например, «толстовка» Льва Толстого или «желтая кофта» Владимира Маяковского).

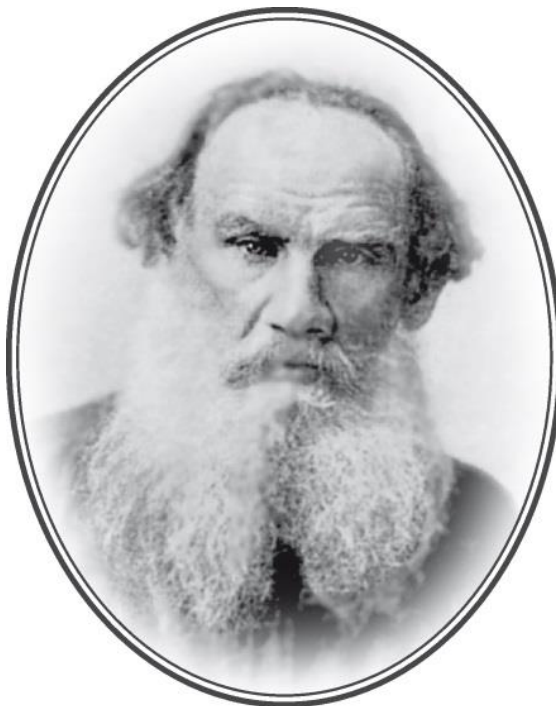
Учитывая важность принадлежащего классикам гардероба, сектор молодежного чтения ГБУК «СОБМ», продолжая выпуск серии сборников методических материалов «ВСТРЕЧАЕМ ПО ОДЕЖКЕ» РУССКИХ КЛАССИКОВ», предлагает познакомиться с третьим выпуском, который имеет подзаголовок «Литературные модники». В него включены сценарии библио-подиумов, посвященных двум культовым фигурам русской культуры – Льву Николаевичу Толстому и Владимиру Владимировичу Маяковскому. Представленные в сборнике материалы адресованы в первую очередь современному молодому читателю. Они помогут ярче представить образы этих знакомых по урокам литературы классиков писателей, проследить формирование и изменение под влиянием внешних причин и внутренних установок их имиджа, поразмышлять о «модных уроках» этих писателей.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ: ТОЛСТОВКА И НЕ ТОЛЬКО

Сценарий информационного библио-подиума

Ведущий 1

Господа! На сегодняшнем библио-подиуме перед нами предстанет не просто светский лев, а «Лев мировой культуры»! Не сомневаюсь, что многие догадались, что речь пойдет о Льве Николаевиче Толстом!

Лев Толстой

Ведущий 2

Лев Николаевич Толстой – не просто великий писатель, книги которого занимают почетное место на «золотой полке» русской и мировой литературы. Он – философ, проповедник, мыслитель, каждое слово которого будоражило общественное сознание. Ясная Поляна, где жил Лев Николаевич, стала объектом паломничества. И не только из-за возможности посмотреть на живого классика русской литературы. В величии Толстого еще при жизни писателя вряд ли кто сомневался. С Львом Николаевичем могли не соглашаться, яростно спорить, но даже в этих спорах чувствовались не только гнев и раздражение, но и ... вольное или невольное уважение! Лев Толстой, безусловно, принадлежал к тем, кого и сегодня бы назвали культовым культурным персонажем, а тогда величали «властителем дум».

Как всякому лидеру общественного мнения, Толстому подражали – становились пацифистами, вегетарианцами. Поклонники Льва Николаевича стремились скопировать и его внешний образ, манеру одеваться.

Ведущий 1

При упоминании имени Льва Толстого на ум обычно приходит образ благородного бородатого старца в широкой свободной рубаше и крестьянских штанах. Но это всего лишь сложившийся стереотип.

Стиль одежды Льва Николаевича, как и любого другого человека, видоизменялся на протяжении всей его жизни. Приглашаю проследить эволюцию имиджа Толстого на нашем библио-подиуме!

Ведущий 2

При всем яростно декларируемом стремлении к опрощению, ох как не прост был Лев Николаевич! В первую очередь он никогда не забывал об ответственности, накладываемым аристократическим происхождением. Напомню, что Лев Николаевич - представитель графской ветви дворянского рода Толстых, происходящей от петровского сподвижника Петра Андреевича Толстого. Писатель имел обширные родственные связи в мире высшей аристократии (Закревские, Мансуровы, Волконские, Горчаковы, Трубецкие и др.). К сожалению, родители писателя (Мария Николаевна и Николай Ильич) рано умерли. Воспитанием осиротевших детей занялись сначала дальняя родственница Татьяна Александровна Ергольская в Москве, тётка по отцу, графиня Александра Ильинична фон дер Остен-Сакен в Ясной Поляне, а затем сестра отца Пелагея Ильинична Юшкова в Казани.

Тетушка Пелагея была воплощением «хорошего тона», стремилась во что бы то ни стало соответствовать идеалу «комильфо». Она любила поесть, менять туалеты, убирать со вкусом комнаты. Вопрос о том, куда поставить диван, был для нее вопросом огромной важности. Обожая светскую жизнь, Пелагея Ильинична в то же время охотно посещала монастыри, выстаивала длинные церковные службы, раздавала по обителям заказы на шитье золотом. Жизненные установки тетушки-опекуни, безусловно, не могли не сказаться на формировании этических приоритетов и эстетических вкусов Льва Николаевича.

В молодости Лев Толстой одевался щеголевато, немало тратил денег на модные вещи. Юный граф придавал огромное значение внешнему виду — как своему, так и окружавших его людей. В «Воспоминаниях» Лев Николаевич признавался: «Не только с Казани, но еще прежде я занимался своей наружностью: старался быть светским, *comme il faut*».

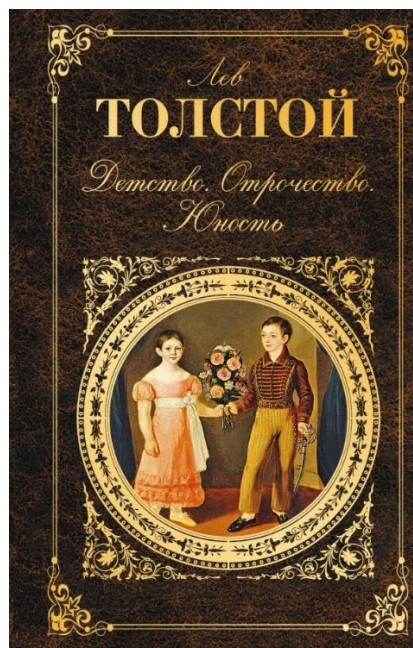
Ведущий 1

Как известно, понятие «комильфо» пришло в Россию из Франции в конце XVIII века. Во французском языке выражение «*comme il faut*» дословно значит «как надо». В обыденной речи оно обозначало «как принято в высшем свете». Это касалось одежды, поведения и прочих аспектов жизни.

Быть приятным и, соответственно, принятым в обществе означало успех. Примерно таких взглядов придерживался и Лев Толстой, будучи молодым человеком и мечтая чувствовать себя уверенным в достойном обществе.

Ведущий 2

Из повести Л.Н. Толстого Юность, «Глава XXXI «Comme il faut»:

«Уже несколько раз в продолжение этого рассказа я намекал на понятие, соответствующее этому французскому заглавию, и теперь чувствую необходимость посвятить целую главу этому понятию, которое в моей жизни было одним из самых пагубных, ложных понятий, привитых мне воспитанием и обществом. Род человеческий можно разделять на множество отделов — на богатых и бедных, на добрых и злых, на военных и статских, на умных и глупых и т. д., и т. д., но у каждого человека есть непременно свое любимое главное подразделение, под которое он бессознательно подводит каждое новое лицо. Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas*. Второй род подразделялся еще на людей, собственно, не *comme il faut* и простой народ. Людей *comme il faut* я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых — притворялся, что презираю, но, в сущности, ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно».

Ведущий 1

А какой же смысл вкладывал Лев Николаевич в понятие *comme il faut*? На какие детали облика человека он обращал особо пристальное внимание?

Обратимся снова к его повести «Юность».

«Мое *somme il faut* состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. «Для чего же ты хочешь говорить, как мы, когда не умеешь?» — с ядовитой насмешкой спрашивал я его мысленно. Второе условие *somme il faut* были ногти — длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изящной, презрительной скуки.

Кроме того, у меня были общие признаки, по которым я, не говоря с человеком, решал, к какому разряду он принадлежит. Главным из этих признаков, кроме убранства комнаты, печатки, почерка, экипажа, были ноги. Отношение сапог к панталонам тотчас решало в моих глазах положение человека. Сапоги без каблука с угловатым носком и концы панталон узкие, без штрипок, — это был *простой*; сапог с узким круглым носком и каблуком и панталон узкие внизу, со штрипками, облегающие ногу, или широкие, со штрипками, как балдахин стоящие над носком, — это был человек *mauvais genre*, и т. п. Странно то, что ко мне, который имел положительную неспособность к *somme il faut*, до такой степени привилось это понятие. А может быть, именно оно так сильно вросло в меня оттого, что мне стоило огромного труда, чтобы приобрести это *somme il faut*».

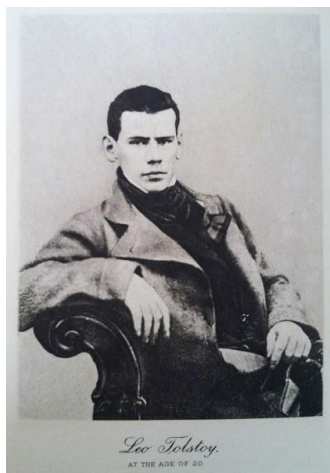
Ведущий 2

Ухоженные руки и ногти, перчатки, элегантные и модного фасона сапоги ... Для Толстого не существовало незначительных деталей образа, составляющих его предметов одежды. Например, биограф Толстого Павел Бирюков записал рассказ писателя о случае, который произошел в Казани с Львом Николаевичем и его братом Николаем: «Они шли по городу, когда мимо них проехал какой-то господин на долгуше, опершись руками без перчаток на палку, упертую в подножку.

— Как видно, что этот господин какая-то дрянь, — сказал Лев Николаевич, обращаясь к брату.

— Отчего? — спросил Николай Николаевич.

— А без перчаток».

Л.Н. Толстой

Ведущий 1

В 1844 году будущий великий писатель земли русской стал студентом Казанского Императорского университета. Однако, весна 1847 года - поворотный этап в жизни Толстого. Лев Николаевич становится хозяином усадьбы Ясная Поляна. Он бросает университет. Недоучившийся студент, очевидно, предпочтет открывать собственные школы. Но главное – это первый опыт его бегства. С бегства он начинает свой сознательный путь в жизнь, бегством его и завершит. Такой вот вечно убегающий граф!

Ведущий 2

В начале 1850-х годов Толстой жил в Петербурге и Москве, одевался у Шармера — одного из самых престижных столичных портных. Таким элегантным, холеным аристократом предстает Лев Николаевич на одной из фотографий:

Л.Н. Толстой

Лев Николаевич погружается в водоворот светской жизни короткая время в кутежах и испытывая удачу в азартных играх. Но в 1851 году Толстой решил кардинально сменить обстановку – поступить на военную службу и отправиться на Кавказ, где уже служил его брат Николай Николаевич. Переездом на Кавказ Толстой решил положить конец разгульной светской жизни.

Отправляясь в «горячую точку», писателя не оставляют мысли о столичном лоске. Он писал брату Сергею: «Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицам в своем Шармеровском пальто и в складной шляпе, [за] которую я заплатил здесь 10 р., несмотря на всю свою величавость в этой одежде, я так привык к мысли скоро надеть серую шинель, что невольно правая рука хочет схватить за пружины складную шляпу и опустить ее вниз».

Ведущий 1

Осенью 1851 года Лев Николаевич стал юнкером 4-й батареи 20-й артиллерийской бригады. А затем, блестяще сдав экзамен на младший офицерский чин, Толстой стал поручиком. Он на собственном опыте хорошо узнал, что такое война, близко видел ее своими глазами. Пять лет молодой Толстой носил военный мундир, служа офицером-артиллеристом в действующей армии - сначала на Кавказе, затем на Дунае и, наконец, в Крыму, где он участвовал в героической обороне Севастополя.

Артиллерийский офицер, находясь на военной службе, разумеется, следовал официальным предписаниям касательно мундира, прически, растительности на лице. У Толстого появились элегантные усы. А аккуратную стрижку и гладко выбритое лицо любят в армии и сегодня.

Л.Н. Толстой

Перед нами мундир обер-офицера гренадерской артиллерии с эполетами 20-й артиллерийской бригады. Во время защиты Севастополя в годы Крымской войны в этой бригаде служил Лев Николаевич Толстой и носил подобный мундир (в нем Толстой запечатлен на фотографии).

Мундир однобортный, темно-лазоревого цвета, с красным кантом по борту. Застегивается спереди на 9 пуговиц с изображением пылающей Гренады на фоне скрещенных пушечных стволов («Гренада на пушках»). Воротник-стойка из черного панбархата с красным кантом и подкладкой, застегивается на два латунных крючка.

Установлены обер-офицерские эполеты с накладными золочеными цифрами «20» (20-я артиллерийская бригада). Обшлага рукавов черные с красной оторочкой и тремя пуговицами на каждом обшлаге (из которых одна «расстегнутая»). Мундир имеет длинные фалды с черной оторочкой и красным кантом, у основания которых расположены клапаны двух фальш-карманов. Подкладка белого цвета, фалды имеют алую подкладку, в которой расположены два потайных «перчаточных» кармана.

Ведущий 2

Лев Николаевич размышлял об ответственности, накладываемой офицерским мундиром. «Офицер должен быть примером не только физического здоровья, ловкости, выносливости и силы, не только умственного развития и знаний, но и духовных качеств, - писал Толстой в статье «Жизненные задачи русского офицера», - и офицерский мундир должен быть синонимом не человека грубого, бесшабашного, невежественного, невоспитанного, а синонимом порядочности во всех отношениях: воспитанности, просвещенности, чистоты, утонченности и вместе с тем всяческой силы и мужества».

Жесткая реальность военной службы наглядно показала Толстому, что внешние лоск и бравада – не синонимы офицерской чести и мужества. Примечательно, что позднее, в знаменитом романе «Воскресение» Лев Николаевич вместе с героем книги Дмитрием Нехлюдовым так размышляет

об офицерском мундире: «Дела не было никакого, кроме того, чтобы в прекрасно сшитом и вычищенном не самим, а другими людьми мундире, в каске, с оружием, которое тоже и сделано, и вычищено, и подано другими людьми, ездить верхом на прекрасной, тоже другими воспитанной, и выезженной, и выкормленной лошади на ученье или смотр с такими же людьми, и скакать, и махать пашками, стрелять и учить этому других людей».

Ведущий 1

Пережитое, перечувствованное и передуманное на военной службе меняет внутренний облик Льва Николаевича. Неслучайно параллельно военной развивается его литературная карьера. Толстой начинает вести дневник, пробует сочинять и с 1852 году начинает сотрудничество с популярным журналом «Современник».

Лев Толстой уже не был так юношески категоричен, как в студенческие годы, но не потерял аристократического апломба, внимания к деталям. Старший офицер толстовской батареи Юлиан Игнатьевич Одаховский вспоминал: «Это был человек, для которого много значило застегнуться на все пуговицы, застегнуть воротник мундира, человек, не признававший дисциплины и начальства. Всякое замечание старшего в чине вызывало со стороны Толстого немедленную дерзость или едкую, обидную шутку».

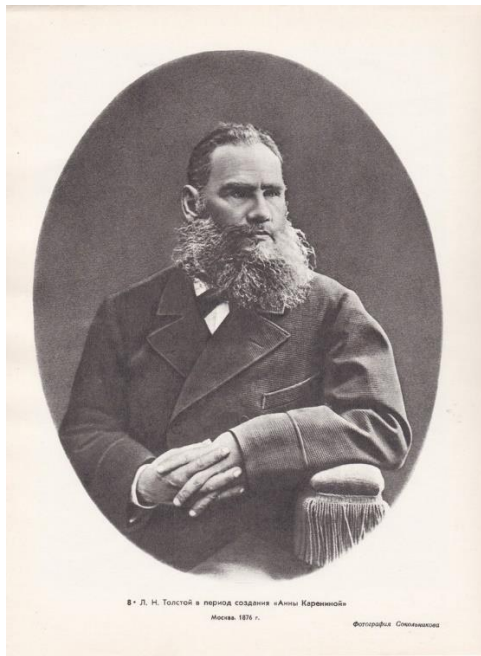
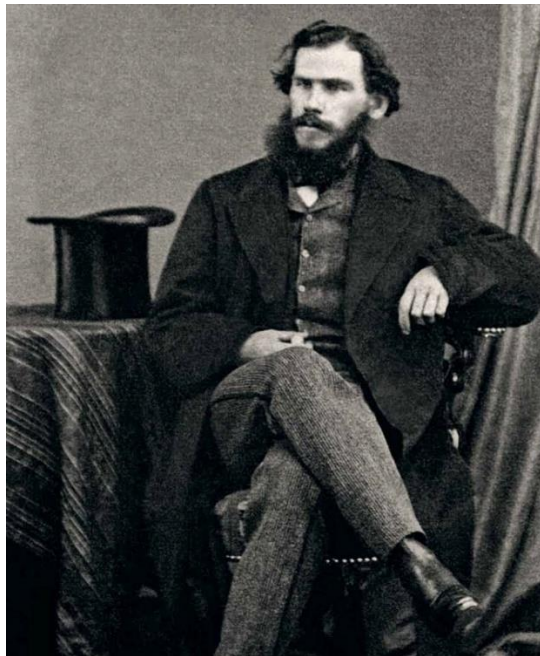

Л.Н. Толстой

Ведущий 2

В ноябре 1856 года сменив военный мундир на гражданское платье, Толстой продолжает следить за модой. Будучи в Петербурге, Лев Николаевич одевается респектабельно, как и другие представители литературного бомонда. Даже ненадолго выезжая в город, например, забрать почту, Лев Толстой одевался дорожные сюртуки и носил шляпы, которые были заказаны у лучших мастеров.

Но постепенно происходят важные изменения во внешнем облике Толстого. Уйдя в отставку, Лев Николаевич незамедлительно принялся отращивать свою бороду — одну из самых знаменитых в русской культуре. В это время подобный поступок был знаком бунта против государственного диктата, общепринятых норм.

Л.Н. Толстой

При этом, уезжая в Ясную Поляну и занимаясь там хозяйством и ценя практическую сторону одежды, Толстой снимает «Шармеровское пальто» и цилиндр и облачается в более простую одежду. Такое отношение к костюму — простота и удобство в деревне, и приличное платье в обществе — сохраняется у писателя до конца 1870-х годов.

Ведущий 1

В 1862 году Лев Толстой остепенился: женился на Софье Берс и окончательно обосновался в Ясной Поляне.

Повседневность внесла свои коррективы во внешний облик хозяина Ясной Поляны. В конце XIX века, будучи уже признанным литературным гением, известным человеком и живой легендой, Толстой начинает тяготиться своим статусом, имуществом и даже графским титулом. Постепенно Льва Николаевича начинает коробить и раздражать изысканная мода и барская одежда на фоне голодающих и бедствующих крестьян, которых он мог наблюдать вокруг.

Граф пытался освоить крестьянский акцент, в чём не сильно преуспел. Толстой принимает решение отказался от фраков и визиток, жилетов и галстуков. Основу гардероба Льва Николаевича стали составлять простые свободные, длинные блузы из хлопка или фланели (серая фланелевая блуза зимой, а в летний период — светлая холщовая) со стоячим воротником, застежкой до пояса и заложенными на груди складками похожую очень на

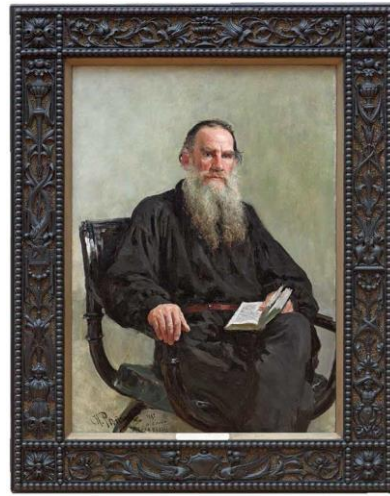
крестьянскую сорочку. Именно в таких рубашках Толстого запечатлели многие фотографы и художники (например, Иван Крамской, Николай Ге, Илья Репин).

Крамской И.Н.

Ге Н.Н.

Репин И.Е.

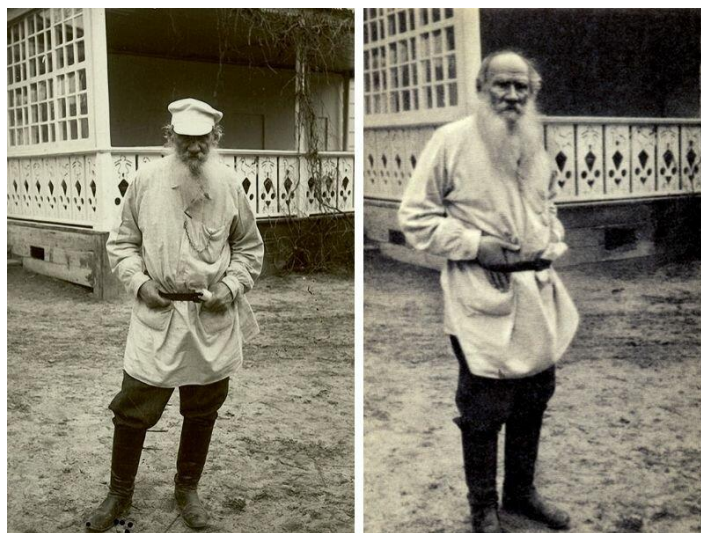
Портреты Л.Н. Толстого

Трудно было поверить в то, что еще совсем недавно в течение дня Лев Николаевич несколько раз менял рубашки, тщательно следил за безукоризненным состоянием рук и ногтей. Даже близкие воспринимали такой костюм далеко не однозначно. «Что за маскарад?» – было еще довольно мягкой оценкой.

Образ Толстого в простой, почти крестьянской одежде во многом сформировали его современники, которые хотели видеть писателя максимально приближенным к народу не только взглядами на мироустройство, но и внешне.

Ведущий 2

Несмотря на внешнюю простоту кроя (за основу взята простонародная косоворотка), на крестьянскую рубашку блузы Толстого, впрочем, не слишком походили. Они были изготовлены из качественного сукна, далеко не дешевого шелка-сырца, отделаны изящными строчками, пуговицами из перламутра. Обычному крестьянину пришлось бы работать полгода, чтобы купить себе такую же рубашку как у Льва Толстого.

Л.Н. Толстой

Рубашки Толстого, по свидетельствам современников и фотографиям, были «оригинального кроя» – широкими и длинными, почти до колен. В них нашлось место двум внушительным специальным карманам для карандаша и маленькой записной книжечки. В последние годы жизни Лев Толстой писал дневник, который называл «Дневник для одного себя». Он любил писать карандашиком, который подвешивал через петельку на холщовой нитке. Толстой отказался от такого украшения крестьянского наряда, как вышивка или тканый цветной пояс. Он заменил его на простой черный ремешок.

Рубашка Льва Толстого (из экспозиции музея-усадьбы Ясная Поляна)

Ведущий 1

Большинство вещей для мужа сшила своими руками Софья Андреевна Толстая, старавшаяся угодить любимому супругу. Рукодельничала графиня на английской швейной машинке WHEELER & WILSON, которая досталась ей по наследству от матери, Любови Александровны Берс. Известен случай,

когда Софья Андреевна находилась со своей старшей дочерью Татьяной на балу. Платье, в котором была девушка, привлекло внимание гостей. Дамы начали спрашивать у Толстой, где же она заказала такую красоту? На что графиня скромно ответила, что сшила его сама! Такая вот аристократка-рукодельница!

С.А. Толстая (Бернс)

Ведущий 2

Именно эта простая рубашка вошла в историю костюма под названием «толстовка», или (за рубежом) Tolstoy shirt, blouse a la Tolstoy.

И все же как бы ни хотелось последователям великого писателя превратить его еще и в создателя модных трендов, это было бы не совсем верно. Ничего нового Лев Толстой, в сущности, не придумал. Ткани и длина этих предметов гардероба могли меняться, но название «толстовка» прижилось исключительно благодаря невероятной популярности Льва Николаевича.

Холщовые рабочие блузы издавна носили художники – живописцы и скульпторы – из опасения запачкать красками, глиной или гипсом цивильную одежду. Благодаря популярности идей славянофильства и народничества во второй половине XIX века крестьянскую рубашку носил летним днём в имении каждый второй русский помещик и на даче – каждый второй средней руки интеллигент. Даже император Александр III отдавал ей предпочтение в домашней обстановке.

А на рубеже XIX-XX столетий крестьянская рубаха сделалась обычной одеждой литераторов, имевших выраженное «народное» или «национальное» направление, – например, Максима Горького, Степана Скитальца, Сергея Есенина или Николая Клюева.

Родоначальником новой моды Толстой не стал, но тенденцию по демократизации одежды, борьба за которую будет разворачиваться на

протяжении всего XX века, предвосхитил, а понятие «толстовки» до сих пор существует в современной моде.

Ведущий 1

В наши дни «толстовки» тоже существуют, правда, выглядят они совсем не так: под этим словом современный модник подразумевает относительно короткую, плотную кофту, хорошо сохраняющую тепло, сшитую из плотного трикотажа, с начесом или без него, часто еще и с капюшоном (чего во времена Льва Николаевича не было). Молния делает данную вещь удобней свитеров.

Толстовки прекрасно вписываются в осенний и весенний гардероб, их можно носить и на улице, и в помещении, они очень удобны прохладным летним вечером, актуальны под верхнюю одежду зимой и осенью. Многие надевают толстовки только для занятий спортом, другие предпочитают эту одежду использовать на каждый день.

По-прежнему называть эту вещь «толстовкой» продолжают исключительно русскоговорящие люди, невольно сохранившие традицию. За рубежом для подобных предметов одежды разного кроя существуют свои названия: худи (англ. Hoodie – кофта с капюшоном и большим карманом спереди) и свитшот (англ. Sweatshirt – теплая, иногда объемная кофта без капюшона и с круглым вырезом). Последний больше всех напоминает оригинальную толстовку. Возможно, и самому Льву Николаевичу Толстому он бы тоже пришелся по душе.

Современные толстовки

Ведущий 2

Существует мнение что Лев Николаевич настолько «опростился», что для того, чтобы быть ближе к простому народу, земле позволял себе ходить босиком. При всем стремлении к опрощению, Лев Николаевич прекрасно понимал границы допустимого. Он, безусловно, никогда не позволил бы себе появлялся босым на каком-нибудь светском рауте. Тем не менее, образ босоногого писателя прочно закрепился в сознании всех поклонников его таланта. Не удержался даже Илья Ефимович Репин, который в 1901 представил на выставке передвижников портрет своего друга и учителя

босиком. Таким же он описывал Льва Николаевича и в письме к своей дочери: «Как бы ни унижал себя этот гигант, какими бы бренными лохмотьями не прикрывал свое могучее тело, всегда в нем виден Зевс, от мановения бровей которого дрожит весь Олимп».

По воспоминаниям близких, сам писатель отнюдь не был в восторге от этой картины. Лев Николаевич ворчал: «Кажется, Репин никогда не видал меня босиком. Недостает только, чтобы меня изобразили без панталон».

И.Е. Репин. Портрет Л.Н. Толстого

Ведущий 1

История с босыми ногами имела бурное продолжение. В марте 1903 художник Наргиз Николаевич Бунин выставил в Санкт-петербургском пассаже полотно под названием «Рыбная ловля». На нем был изображен граф с бреднем в руках в компании с Ильей Репиным (справа) и группой анонимных крестьян. Впрочем, писатель Александр Куприн почему-то считал, что по бокам от Льва Толстого расположены Антон Чехов и Владимир Короленко. Более того, объяснял смысл картины клеветнической попыткой представить цвет нации «ловцами душ человеческих».

Н.Н. Бунин. Рыбная ловля

В обществе разгорелся нешуточный скандал. Почитатели Льва Толстого были возмущены чересчур натуралистическим изображением своего кумира. По их мнению, кощунством было изображать графа в одной рубашке и без порток. Наиболее радикальные критики обвинили художника в злонамеренном поклепе на философские основы толстовства. Они утверждали, что граф не мог заниматься рыбной ловлей в принципе, поскольку был убежденным вегетарианцем и не употреблял в пищу никакой убоины. Впрочем, по воспоминаниям поэта Афанасия Фета, это не соответствовало истине. Во время одного из посещений Ясной Поляны он застал дома одну лишь дряхлую старуху, которая на вопрос, где хозяева, с трудом прошамкала, что господа-де рыбу ловят. И, действительно, пройдя к озеру, Фет увидал Льва Николаевича стоящим с сетью по колено в воде.

Апофеозом гражданских протестов явился поступок бывшего киевского мещанина, известного журналиста Семена Любошица. На глазах изумленной публики, он набросился на картину и написал карандашом во всю длину: «Мерзость». Любошиц не сопротивлялся задержанию и сам требовал вызвать полицию.

На защиту вандала немедленно вступило около сорока человек, которые тут же составили петицию в его поддержку. После этого инцидента приток посетителей выставки увеличился в разы. Опасаясь дальнейшего развития скандала, администрация вынуждена была убрать картину из экспозиции.

Наиболее мудро во всей этой истории повел себя, конечно же, именно граф Лев Николаевич Толстой. По рассказу корреспондента газеты «Новое время»: «Льва Николаевича в его деревенском уединении так мало интересуют пресловутые «злобы дня», которыми дышит город. Положим, он все знает, за всем следит, все читает. Спросишь его о чем-нибудь, и на все получаешь

спокойный ответ. Даже такие вопросы, которые, казалось бы, касались лично его, не вызывают в нем ни малейшего волнения.

- Видали вы картину Бунина? - спросил я.

- Видал на снимке.

- Ну, что скажите?

- Ничего. Я давно уже достояние общества и потому не удивляюсь ничему».

Ведущий 2

Да, вопреки легенде, не ходил Толстой босым! У Льва Николаевича была богатая коллекция обуви, причем вся – эксклюзивной ручной работы: клетчатые домашние ботинки, мягчайшие башмаки из шкуры лося, парусиновые туфли, в которых он, возможно, играл в теннис.

Дома Толстой ходил в сапогах – ичигах (восточные сапоги из тонкой кожи). Их он использовал вместо тапочек. Лев Николаевич просто обожал свои ичиги – из очень тонкой кожи, с мягким носком и внутренним жестким задником. У них нет такого различия, как правый или левый, а по дому в них можно передвигаться абсолютно бесшумно. Снимал писатель ичиги с помощью специального предмета – холуя. Руками снимать их было неудобно – вспомните, в фильмах обычно жены снимали мужьям сапоги!

Сапоги-ичиги Л.Н. Толстого (из экспозиции музея-усадьбы Ясная Поляна)

Уникальным экспонатом музея-усадьбы «Ясная Поляна» являются толстовские валенки-бурки. Вероятно, они были привезены из Америки самим Толстым либо его сыном Сергеем, либо кем-то из толстовцев, которые сопровождали пароход с духоборами на поселение в Канаду. Бурки сделаны из тонкого фетра, подбиты войлоком, кожа на носках отстрочена очень ювелирно.

Сапоги-бурки Л.Н. Толстого (из экспозиции музея-усадьбы Ясная Поляна)

Ведущий 1

Лев Николаевич любил всякого рода ручной труд. Он получал удовольствие от процесса создания вещей своими руками, особенно если это приносило пользу и радость друзьям и близким. Одним из его увлечений было шитье сапог. Первые свои сапоги Толстой сшил в 1884 году — об этом пишет в воспоминаниях Сергей Арбузов, служивший в доме Толстых лакеем. Именно тогда Лев Николаевич, признав писательство занятием бессмысленным, решил овладеть каким-нибудь «настоящим» ремеслом и нашел в Ясной Поляне сапожника, согласившегося его обучать.

Софья Толстая в письме сестре Татьяне Кузминской (Бернс) (1884 год) сообщала: «Сегодня Левочка сшил калошу, принес мне показывать и говорит: «C'est délicieux!» [«Это восхитительно!»]. А калоша прегрубо сшита и фасон безобразный ...».

Обладателем эксклюзивных сапог от самого Толстого был его друг поэт и помещик Афанасий Фет (Шеншин). Он заказал их Льву Николаевичу, чтобы поддержать Толстого в начинании. По готовности Афанасий Афанасьевич выдал и шутиливую расписку: «Свидетельство. Сие дано 1885 года Января 15-го Дня, в том, что настоящая пара ботинок на толстых подошвах, невысоких каблуках и с округленными носками, сшита по заказу моему для меня же автором «Войны и мира» Графом Львом Николаевичем Толстым, каковую он и принес мне ко мне вечером 8-го Января сего года и получил за нее с меня 6 рублей. В доказательство полной целесообразности работы я начал носить эти ботинки со следующего дня». Говорят, что Фет свои ботинки носил и очень хвалил как прочные, удобные и легкие.

Ботинки А.А. Фета, сшитые Л.Н. Толстым

Михаил Сергеевич Сухотин (муж старшей дочери писателя Татьяны), получив сапоги, сшитые Львом Николаевичем специально для него, проносил их два дня. Потом, поскольку они были очень неудобны, выставил обувь тестя на полке рядом с его 12-томным собранием сочинений и прикрепил к сапогам бумажку с надписью: «Последнее произведение графа Л.Н. Толстого» (другой вариант, что Сухотин привязал к ним ярлычок с надписью «Том XIII»). Лев Николаевич недовольно пробурчал: «В таком случае это мое лучшее произведение».

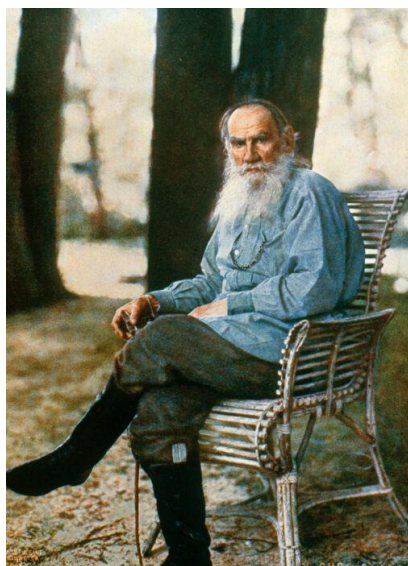
Сапоги М.С. Сухотина, сшитые Л.Н. Толстым

Сегодня сапоги, сшитые Толстым для его зятя Михаила Сергеевича Сухотина, и ботинки для Афанасия Афанасьевича Фета хранятся в музее-усадьбе в Хамовниках (Москва).

Ведущий 2

За увлечение Толстого изготовлением обуви, обшивавшего не только себя, но друзей и семью, обвиняли в непоследовательности. Лев Николаевич использовал кожу животных, хотя к этому моменту уже был вегетарианцем. Однажды он стачал пару сапог из новомодного материала - линолеума. Вышел в них даже разок прогуляться вокруг дома, но вскоре вернулся, крайне смущенный и едва ли не на четвереньках. «Вегетарианские сапоги есть символ отказа от насилия и одновременно мучительнейшее его орудие. Где же правда? Неужели, действительно, в лаптях да в валенках?» - записал Толстой в одном из своих потайных дневников.

«Вегетарианские сапоги» увековечены на единственном цветном фото, выполненном знаменитым Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским.

Лев Толстой в тех самых «вегетарианских сапогах»

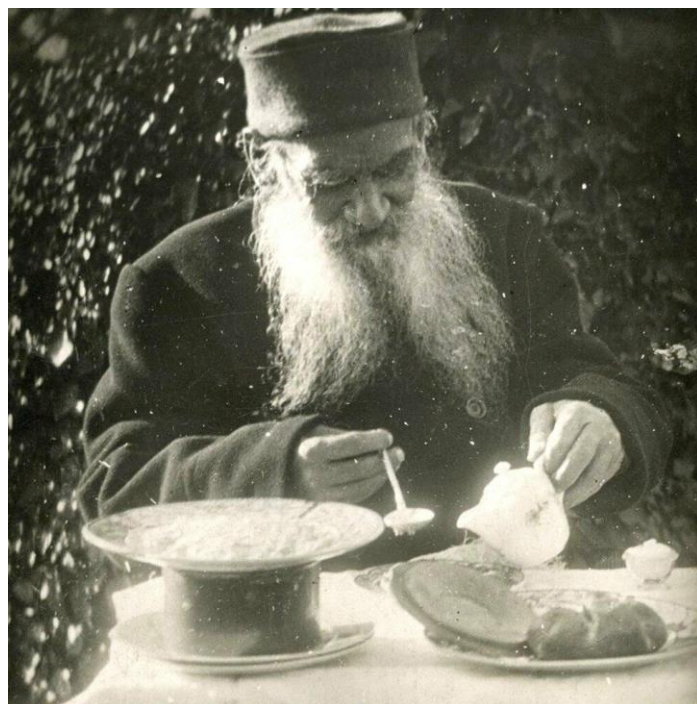
На склоне дней Лев Николаевич искренне радовался повсеместному распространению дешевой и практичной гуттаперчевой обуви, не раз публично заявлял о том, что только в резиновых галошах человечество наконец получило возможность сделать первый шаг на пути к ненасильственному миру. Но, как мы знаем, «галоши счастья» даже в сказке не всегда шагают туда, куда хочется.

Ведущий 1

А что же украшало и защищало голову, в которой рождались «Война и мир», «Воскресение», «Анна Каренина» и другие создания творческой и философской мысли Толстого? Любимыми головными уборами Льва Толстого были простые шапочки, которые вручную шила его жена Софья Андреевна. В музее «Ясная Поляна» есть три толстовские шелковые шапочки белого, серого и черного цвета.

Головные уборы Л.Н. Толстого

Л.Н. Толстой

А летом классик не снимал большую соломенную шляпу, спасаясь таким образом от зноя.

Шляпа Л.Н. Толстого

Л.Н. Толстой

Это фото было сделано летом 1905 года его учеником Владимиром Чертковым, когда писатель возвращался с купания на реке Воронка. Здесь Толстой весь - в своем смирении и гордости. Великий человек всегда одинок на этой земле. Но перед кем он снял шляпу? Перед Россией? Перед Богом? Да нет, писателю, очевидно, просто стало жарко.

Ведущий 2

Простота и удобство были самыми важными факторами при выборе домашней одежды. Дома Лев Николаевич Толстой предпочитал ходить в удобных халатах. В его гардеробе они были разных цветов. Большую часть этих халатов шила его жена Софья Андреевна.

Каждое утро у графа был ритуал – он просыпался, надевал халат, умывался и, как вспоминал его сын Илья, «со спутанной бородой шел в кабинет». Там за шкафами висела его одежда. В кабинете он переодевался и выходил к завтраку. Ну а вечером за шкафом он снова переодевался в халат и поднимался к себе в спальню.

В доме Толстых было всегда прохладно, не больше 18 градусов – граф не любил жары и духоты. Дом даже топили через день, и то частями, а не целиком. Специально для зимы Софья Андреевна Толстая сшила мужу из ставших ненужными старых детских одеялец синий уютный халат на гагачьем пуху.

Халат Л.Н. Толстого

Секретарь Льва Николаевича Николай Николаевич Гусев вспоминал, что в халатах русский классик мог появиться даже перед гостями, ничуть не стесняясь своего «непарадного» вида: «Ходил в туфлях на босу ногу, сшил себе придуманного им самим покроя парусиновый халат, который он днем надевал, ночью пользовался им как постелью и одеялом, для чего в этом халате были сделаны полы, которые днем пристегивались пуговицами внутрь. Приезд гостей не заставлял его переменять свой костюм. Как вспоминала сестра Толстого, однажды в это лето в Ясную Поляну приехали какие-то барышни. Послали за Львом, который по своему обыкновению бродил или лежал где-то в саду. Он явился в своем халате и в туфлях на босу ногу, и когда тетюшка Татьяна Александровна стала выговаривать ему за его неприличный костюм, он с жаром и даже с некоторым раздражением начал ей и всем гостям доказывать условность всяких «приличий», нисколько не конфузясь своего странного наряда».

Ведущий 1

Абсолютной новинкой тех лет в графском гардеробе можно считать очень дорогой прорезиненный плащ, да еще и с капюшоном! Такие плащи в России изготавливали только в Санкт-Петербурге и только на одной-единственной фабрике в малом количестве. В дополнение к плащу у писателя имелись мокроступы – тяжелые прорезиненные ботинки на шерстяной подкладке.

Плащ Л.Н. Толстого

Ведущий 2

Были в гардеробе Толстого и неординарные, дорогие вещи. Например, получив гонорар за роман «Анна Каренина», писатель приобрел дорогую медвежью шубу черного цвета от известного французского портного Айе, которая стала самым дорогим предметом одежды Толстого. Правда, ее на прогулки он не надевал. Шуба не имела пуговиц. Писатель просто так не гулял в ней, а закутывался в нее, когда зимой путешествовал в санях.

Шуба Л.Н. Толстого

В холодное время года писатель всегда носил «романовский полушубок» — тулуп из романовской овцы, шерсть которой в то время считалась лучшей и в России, и во всем мире.

Тулуп Л.Н. Толстого

В последние годы жизни Толстой носил этот тулуп очень часто. Именно в нем он покинул Ясную Поляну в ночь на 28 октября 1910 года...

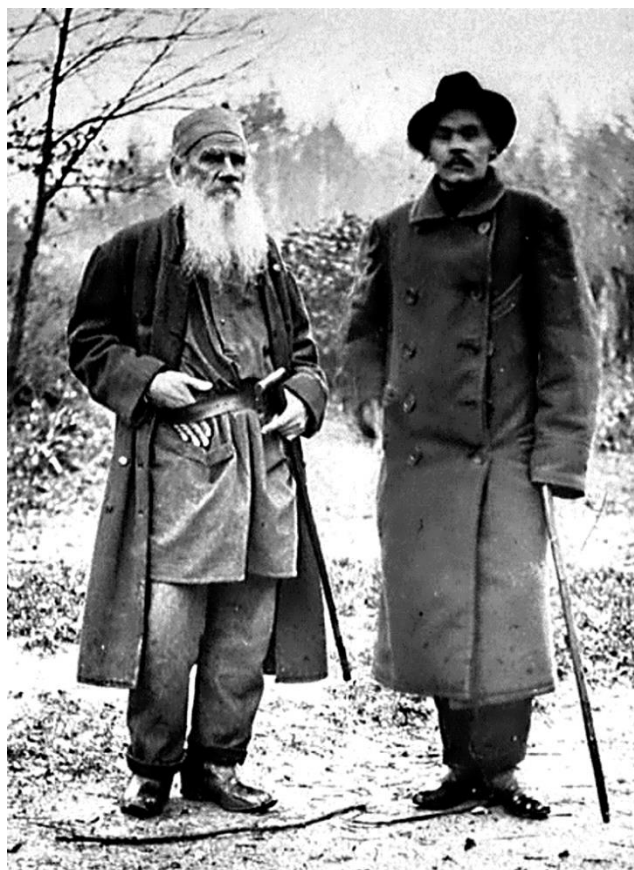
Ведущий 1

Реальный образ Льва Толстого бесконечно далек от лубочной картинки, изображающей смиренного старца с длинной белой бородой. В действительности многогранность и богатство этой человеческой личности таковы, что всякий раз невозможно охватить его во всей его полноте.

Современники, которым посчастливилось встречать Толстого, отмечали, как главную особенность его облика, сочетание в нем черт мужицких и аристократических: мужицкая борода, грубые, привычные к физической работе руки, простая, наподобие крестьянской одежда. Но в его осанке до конца дней сохранилась такая величавость, что рядом с ним, хотя он был среднего рода, все казались меньше, стушевывались; он начинал говорить - и всех зачаровывали сдержанное достоинство его речи, благородство и грация жестов.

При всей простоте в одежде, Лев Толстой очень тщательно следил за своим внешним видом и, разумеется, гигиеной. Сын писателя Илья Львович в своих воспоминаниях отмечает: «По своему рождению, по воспитанию и по манерам отец был настоящий аристократ. Несмотря на его рабочую блузу, которую он неизменно носил, несмотря на его полное пренебрежение ко всем предрассудкам барства, он барином был, и барином остался до самого конца своих дней <...>. Под словом «барство» я разумею <...> утонченность манер, внешнюю опрятность и в особенности тонкое понимание чувства чести».

В своих воспоминаниях Максим Горький рассказывает о почитателях Толстого, которые, обманувшись демократическим обликом Льва Николаевича, попробовали было обратиться к нему в простонародно-фамильярном духе: «И вдруг из-под мужицкой бороды, из-под демократической мятой блузы поднимается старый русский барин, великолепный аристократ, тогда у людей прямодушных, образованных и прочих сразу синеют носы от нестерпимого холода».

Лев Толстой и Максим Горький

А ведь это было в последние годы жизни, когда в течение многих лет Толстой утверждал, что нет другого идеала, кроме простой мужицкой жизни, и проповедовал опрощение!

Ведущий 2

Нельзя не согласиться с внуком Льва Николаевича Сергеем Михайловичем: «Несмотря на многочисленные изменения, произошедшие в мире после его смерти, Толстой остался притягательным для всех, и это потому, что его «реакции» на прикосновения бытия, его ответы на главные вопросы жизни - реакции и ответы нормального человека, они близки каждому».

Лев Толстой учит современное молодое поколение как верности строгому, консервативному аристократизму, так и активным, свободным поискам своего собственного, уникального образа!

Читайте Льва Толстого – не бойтесь старомодного стиля и сложности мыслей! Обратите внимание и на книги о нем. Они дополняют информацию, полученную на сегодняшнем библио-подиуме. Милости просим в нашу библиотеку!

Для получения дополнительной информации загляните в книги:

- Айхенвальд, Ю.И. Силуэты русских писателей / Ю.И. Айхенвальд ; под ред. Л.М. Сурис. - Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. - Кн. 1. - 591 с. Режим доступа: URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=457540>. - Заглавие с экрана.
- Алданов, М.А. О русских писателях : сборник статей / М.А. Алданов ; под ред. Л.М. Сурис. - Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. - 77 с. Режим доступа: URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=457879>. - Заглавие с экрана.
- Басинский, П.В. Лев Толстой: бегство из рая / Павел Басинский. - Москва : АСТ : Астрель, 2010. - 636, [2] с., [16] л. ил., портр.; 21 см.
- Брюс, Фейлер Секреты счастливых семей: мужской взгляд / Фейлер Брюс. — М. : Альпина Паблишер, Альпина нон-фикшн, 2016. — 344 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/41386.html>. - Заглавие с экрана.
- Кюрегян, А. Неизвестный Толстой / А. Кюрегян.- М.: ООО Дементьевой, 2010. —(Биографии и мемуары).
- Мардов, И.Б. Лев Толстой. Драма и величие любви. Опыт метафизической биографии: монография / И.Б. Мардов. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 632 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/7202.html>. - Заглавие с экрана.
- Никитина, Н. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне/ Н. Никитина. - М.: Молодая гвардия, 2007.- (Биографии и мемуары).
- Тарасов, А.Б. Что есть истина? Праведники Льва Толстого / А.Б. Тарасов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 176с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/35713.html>. - Заглавие с экрана.
- Ширяев, Б.Н. Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе / Б.Н. Ширяев ; сост. и гл. ред. А.Г. Власенко ; сост. и науч. ред. М.Г. Талалай ; гл. ред. И.А. Савкин. - Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. - 200 с. Режим дотупа: URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=428329>. - Заглавие с экрана.
- Эстетика Льва Толстого : сборник статей / . - Москва : Государственная Академия Художественных Наук, 1929. - 244 с. Режим доступа: URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=55953>. - Заглавие с экрана.

МАЯКОВСКИЙ КАК ИКОНА СТИЛЯ

Сценарий информационного библио - подиума

Ведущий 1

Если бы в дореволюционное и советское время в обиходе было такое клишированное выражение, как «икона стиля», им непременно нарекли бы героя сегодняшнего библио-подиума Владимира Владимировича Маяковского. В литературных кругах он с юных лет был известен не только своими экспериментальными, одиозными стихами, но и вызывающим внешним видом. Маяковский превращал любое свое публичное появление в то, что сегодня бы назвали перформансом, шоу. Владимир Владимирович любил и умел и эпатировать как респектабельную дореволюционную публику, так и правоверную советскую. Маяковский не боялся быть дерзким.

Ведущий 2

Имидж бунтаря, как и звание главного поэта революции и советской республики, конечно, не очень хорошо рифмуется с титулом иконы стиля. Но Маяковский был весь сделан из контрастов. Он хорошо это знал и великолепно использовал.

Владимир Владимирович очень рано понял важность внешности, визуального образа в самопрезентации. Он усвоил одно правило: одежда — действенный участник его выступлений. По мнению поэта, именно одежда служила одним из важных проводников нового художественного вкуса.

Ведущий 1

Свой имидж Маяковский менял не единожды. Каждая смена была связана с новым этапом в его жизни.

Самопрезентации Маяковского уже с самых ранних его творений охватывают весь спектр радикальных масок — от цирковых до мессианских. Паяц, скоморох, тринадцатый апостол, крикогубый Заратустра, заморский страус ...

Чтец

Вот иду я,
заморский страус,
в перьях строф, размеров и рифм.
Спрятать голову, глупый, стараюсь,
В оперенье звенящее врыв.
Я не твой, снеговая уродина.
Глубже
В перья, душа, уложись!
И иная окажется родина,
вижу —
выжжена южная жизнь.
Остров зноя.
В пальмы овазился.
«Эй,
дорогу!»
Выдумку мнут.
И опять
До другого оазиса
вью следы песками минут.
Иные жмутся —
Уйти б,
Не кусается ль? —
Иные изогнуты в низкую лесть.
«Мама,
а мама,
несет он яйца?» —
«Не знаю, душечка,
Должен бы несть».
Ржут этажия.
Улицы пелятся.
Обдают водой холода.
Весь истыканный в дымы и в пальцы,
переваливаю года.
Что ж, бери меня хваткой мёрзкой!
Бритвой ветра перья обрей.
Пусть исчезну,
чужой и заморский,
под неистовства всех декаблей.

В.В. Маяковский «России»

Ведущий 1

Все провокационные дореволюционные образы были отброшены советским литературоведением. Каноничным стал иной Маяковский — «поэт-трибун», «певец пролетариата», «полпред советского стиха» и — «лучший, талантливейший поэт советской эпохи».

Ведущий 2

Чтобы понять отношение Маяковского к имиджу, моде и одежде, давайте вспомним с чего всё начиналось.

Родился Владимир в дворянской семье лесничего третьего разряда Владимира Константиновича Маковского и Александры Алексеевны Павленко. Родина будущего знаменитого поэта – далекое от столичной суеты грузинское село Багдати. Но, несмотря на аристократическое происхождение, семья жила скромно.

Семья Маяковских, Кутаиси, 1905 год

Кроме того, в феврале 1906 года (Владимиру было около 13 лет) произошла трагедия – после того, как уколол палец иголкой, сшивая бумаги, от заражения крови умер его отец. С тех пор Маяковский терпеть не мог булавок и заколок, бактериофобия осталась пожизненной. В июле того же года Маяковский вместе с матерью и сёстрами переехал в Москву.

Ведущий 1

На одном из самых известных своих фотопортретов (ставшим основой для портрета Нади Леже) 17-летний Владимир Владимирович стоит в объемной блузе с бантом, подпоясанной веревкой, — настоящий, как сказали бы сейчас, fashion statement (заявление о модности).

Н. Петрова (Н.П. Ходасевич-Леже) В.В. Маяковский

Ведущий 2

В 1913 году Маяковскому исполнилось всего 20 лет, но его прошлое уже пестрит событиями, кажется несоразмерным биографиям обычных людей: революционная деятельность, три ареста, почти год, проведенный в одиночной камере Бутырки, учеба в Строгановском училище и Московском училище живописи, ваяния и зодчества ...

Стиль начинающего поэта из «низов», который всеми силами пытался приблизиться к элите, всегда вызывал вопросы и не мог остаться без внимания. Сам облик Маяковского той поры подчеркнуто театрален. Исследователь футуризма Бенедикт Лившиц в популярной книге «Полутороглазый стрелец» писал: «Одетый не по сезону легко, в черную морскую пелерину со львиной застежкой на груди, в широкополой черной шляпе, надвинутой на самые брови, он казался членом сицилианской мафии, игрою случая заброшенным на Петербургскую сторону. Его размашистые, аффектированно резкие движения, традиционный для всех оперных злодеев басовый регистр и прогнатическая нижняя челюсть, волевого выражения которой не ослабляло даже отсутствие передних зубов, сообщающее вялость всякому рту, еще усугубляли сходство двадцатилетнего Маяковского с участником разбойничьей шайки или с анархистом-бомбометателем, каким он рисовался в ту пору напуганным багровым выстрелом салопницам». Не будем забывать, что весь этот разбойниче-романтический антураж всего лишь театр!

В.В. Маяковский

Ведущий 1

Художник и теоретик искусства Лев Федорович Жегин (Шехтель), который учился вместе с Маяковским в Училище живописи, ваяния и зодчества отмечал: «Тогда Маяковский немного придерживался стиля «vagabond». Байроновский поэт-корсар, сдвинутая на брови широкополая черная шляпа, черная рубашка (вскоре смененная на ярко-желтую), черный галстук и вообще все черное, – таков был внешний облик поэта в период, когда в нем шла большая внутренняя работа, когда намечались основные линии его творческой индивидуальности».

Ведущий 2

Семья поэта жила в большой нужде. Ни о каких модных, а тем более дорогих, нарядах и речи быть не могло. «Костюмов у меня не было никогда» - признавался Маяковский в воспоминаниях «Я сам». Владимир Владимирович и многие его современники вспоминали, что в этот период у Маяковского не было не только костюмов, но и даже теплого пальто. Впоследствии сотоварищ по футуризму Давид Давидович Бурлюк подарил ему пальто своего отца. Мария Никифоровна Бурлюк (жена Давида Давидовича) вспоминала: «Володя Маяковский и во вторую осень нашего знакомства был опять плохо одет. А между тем начались холода. Увидев Маяковского без пальто, Бурлюк в конце сентября 1912 года в той же Романовке, в темноте осенней, перешагнувшей за полночь, на Маяковского, собиравшегося уже шагать домой (на свою Большую Пресню), надел зимнее ватное пальто своего отца. — «Гляди, впору...» — оправляя по бокам, обошел кругом Маяковского и застегнул заботливо и крючок у ворота, и все пуговицы... — Ты прости за мохнатые петли, но зато тепло и в грудь не будет дуть».

В.В. Маяковский с друзьями – Н.Н. и Д.Д. Бурлюками,
В.В. Хлебниковым, Г.Л. Кузьминым, С.Д. Долинским

На фотографии 1913 года, где Маяковский запечатлен с друзьями: Николаем Давидовичем и Давидом Давидовичем Бурлюками, Виктором Владимировичем Хлебниковым, издателем Георгием Леонидовичем Кузьминым, С. Долинским — после выхода эпатажного альманаха «Пощечина общественному вкусу». Маяковский в широкополой шляпе, надвинутой на брови, что придает ему таинственный вид, в пальто (очевидно, тем самым - подаренном Давидом Бурлюком). Для солидности Маяковский отпустил себе маленькие усики и бороду, что выделяет его среди окружающих. Это говорит о том, что Маяковский постоянно в поиске своего имиджа.

Ведущий 1

Что только не выдумывал Маяковский, чтобы обыграть обыденные, поношенные, нелюбимые и даже уродливые вещи, превратить их во что-то эстетичное. На помощь пришли ленты, шарфы, галстуки. «Были две блузы — гнуснейшего вида. Испытанный способ — украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное и красивое в человеке — галстук. Очевидно — увеличишь галстук, увеличится и фурор. А так как размеры галстуков ограничены, я пошел на хитрость: сделал галстукую рубашку и рубашковый галстук. Впечатление неотразимое» - писал Маяковский в «Я сам».

Особенно помогал Владимиру Владимировичу яркий, бьющий по глазам желтый цвет. В воспоминаниях о брате сестра Маяковского Людмила Владимировна писала: «Желтый цвет с детства был любим нами, он символизировал для нас солнечную Грузию. В самом быту Грузии этот цвет был широко представлен в виде мутак (мягкие валики на тахте), подушек,

портьер и прочего. У нас с сестрой тоже всегда были какие-нибудь желтые ткани А у сестры Оли была желтая лента. Володя взял ее для какого-то вечера».

Фрагмент желтой атласной ленты, которую в начале 1910-х гг.
В.В. Маяковский повязывал вокруг шеи

Ведущий 2

Сестра Маяковского Людмила вспоминала: «Володя попросил сестру сделать ему галстук в виде кашне, из черных и желтых клеток, расположенных в шахматном порядке. Такой галстук до некоторой степени украшал потертые, выцветшие сатиновые и бархатные черные блузы, которые Володя тогда носил».

Кашне Маяковского из семи прямоугольных фрагментов (атлас)

Ведущий 1

В наряде Маяковского сочеталась некоторая неряшливость и потрепанность рабочей рубахи и эстетика французского мужского стиля с манишками и галстуками. Впрочем, объемные шейные банты просто

закрывали дыры и потертости на одежде. Таким образом заношенным вещам придавался приличный вид. Дополняли наряд волосы как будто специально взлохмаченные волосы, что придавало прическе и всему облику художническую небрежность. В этом пареньке, безусловно, ощущается юношеская бравада. Своим внешним видом Владимир Владимирович демонстрировал, что причастен к художественной богеме.

В.В. Маяковский

Ведущий 2

В марте 1913 года Маяковский познакомился с дочерью знаменитого архитектора Федора Осиповича Шехтеля Верой Федоровной. Между молодыми людьми завязались романтические отношения. Поэт часто бывал в их доме на Большой Садовой, 4, где зародилась идея первого поэтического сборника В. Маяковского «Я!». В апреле 1913 года Владимир Маяковский подарил своей возлюбленной на память черный галстук, а от нее взамен получил желтую ленту. Галстук из крепдешина завязывался бантом.

Бант Владимира Маяковского

В.В. Маяковский

Ведущий 1

После того, как странный образ богемного бунтаря из низов приняли на «ура», Маяковский начал делать упор на эпатаж в одежде. Апогей этого постоянного поиска — знаменитая жёлто-чёрная кофта, которая вошла в историю как «жёлтая». Она стала впоследствии символом футуризма, как строка из «заумного» стихотворения Кручёных «Дыр-бул-щыл», а желтый цвет — цветом авангарда.

Популярный литератор и исследователь футуризма Бенедикт Лившиц в своих воспоминаниях писал: «Решив, что наряд его примелькался, он потащил меня по мануфактурным магазинам, в которых изумительные приказчики вываливали нам на прилавок все самое яркое из лежавшего на полках. В. Маяковского ничего не удовлетворяло. После долгих поисков он набрел у Цинделя на черно-желтую полосатую ткань неизвестного назначения и на ней остановил свой выбор».

Ведущий 2

Желтых кофт, собственно, было две — просто желтая и в черную полоску.

Сшила полосатую кофту мама Маяковского Александра Алексеевна. Она рассказала, как возник этот провокационный наряд: «Утром принес Володя бумазею. Я очень удивилась ее цвету, спросила, для чего она, и отказалась было шить. Но Володя настаивал: «Мама, я все равно сошью блузу. Она мне нужна для сегодняшнего выступления. Если вы не сошьете, то я отдам портному. Но у меня нет денег, и я должен искать и деньги, и портного. Я ведь не могу пойти в своей черной блузе! Меня швейцары не пропустят. А этой кофтой заинтересуются, опешат и пропустят. Мне обязательно нужно

выступить сегодня». Мама, конечно, не устояла перед столь вескими аргументами.

Сестра Маяковского, Людмила Владимировна, вспоминала: «... я вошла в комнату и вижу: мама у туалетного столика примеряет Володе кофту из бумазеи с широкими полосами желтого и черного цвета. Я собиралась рассердиться на Володю за эту очередную выдумку, но, увидев, как идет к нему кофта, оттеняя красивое смуглое лицо, как горят смелым блеском его глаза, как горда и решительна в наступательном движении его высокая и складная молодая фигура, я спасовала».

Ну а остальной усиливающий эпатирующий эффект антураж в виде морковки вместо галстука, деревянных ложек, редисок в петлице, фески на голове и т. д. — появились немного позднее.

Знаменитая «желтая кофта» Маяковского (реконструкция)

Чтец

Я сошью себе черные штаны
Из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.

Пусть земля кричит, в покое обабившись:
«Ты зеленые весны идешь насиловать!»
Я брошу солнцу, нагло ослабившись:
«На глади асфальта мне хорошо грассировать!»

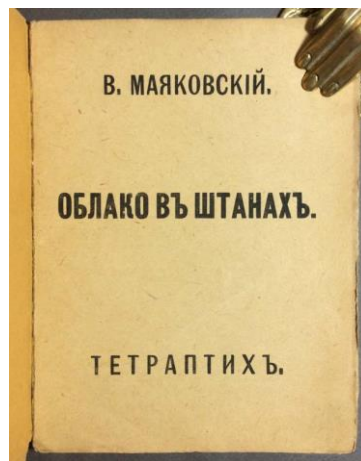
Не потому ли, что небо голубо,
А земля мне любовница в этой праздничной чистке,
Я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо
И острые и нужные, как зубочистки!

Женщины, любящие мое мясо, и эта
девушка, смотрящая на меня, как на брата,
закидайте улыбками меня, поэта, —
я цветами нашью их мне на кофту фата!

В.В. Маяковский «Кофта фата»

Ведущий 1

Желтая кофта Маяковского получила скандальную славу, которую он и панировал. Она была протестом против существующих правил появляться перед публикой во фраках и сюртуках, дерзкий вызов благонамеренному буржуазному вкусу. Во время футуристического турне эта кофта была предметом постоянных нападок газетчиков. Вот так о ней писала 16 декабря 1913 года газета «Утро»: «Привлекала внимание публики и знаменитая жёлтая кофта Маяковского. Жёлтая кофта оказалась обыкновенной блузой без пояса, типа парижских рабочих блуз, с отложным воротником и галстуком. На красивом, смуглом и высоком юноше блуза производила очень приятное впечатление». В газете «Тифлисский листок» во время турне футуристов в 1914 году писали: «Три «пророка», в шутовских нарядах, при поднятии занавеса сидели за длинным столом. В середине — Маяковский в желтой кофте, по одну сторону — Каменский в черном плаще с блестящими звездами, по другую сторону — Бурлюк в грязно-розовом сюртуке. Тссс... тише, господа... это они, пророки, они, футуристы». Вспоминали газетчики и «жёлтый дом», называли «жёлтой распашонкой кухарки» и как ещё только не ехидничали!»

Чтец

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий,

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду - красивый,
двадцатидвухлетний.

Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!

Приходите учиться -
из гостиной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги.

И которая губы спокойно перелистывает,
как кухарка страницы поваренной книги.

Хотите -
буду от мяса бешеный
- и, как небо, меняя тона -
хотите -
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а - облако в штанах!

<...>

Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!
И эту секунду,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!».
И эту секунду,
Бенгальскую
громкую,
я ни на что б не выменял ...

(В.В. Маяковский, из поэмы «Облако в штанах»)

Ведущий 2

Популярность провокационной желтой кофты очень быстро росла. На нее стали обращать внимание не только любители поэзии и журналисты. Она попала в поле зрения полиции. Столичные стражи порядка не принимали те ценности, которые олицетворяла эта дерзкая вещь. Корней Чуковский вспоминал: «Эту желтую кофту я пронес в Политехнический музей контрабандой. Полиция запретила Маяковскому появляться в желтой кофте перед публикой. У входа стоял пристав и впускал Маяковского только тогда, когда убеждался, что на нем был пиджак. А кофта, завернутая в газету, была у меня под мышкой. На лестнице я отдал ее Владимиру Владимировичу, он тайком облачился в нее и, эффектно появившись среди публики, высыпал на меня свои громы». Заметьте, скандал заранее задуман, продуман и разыгран, вплоть до появления необходимых аксессуаров в нужный момент.

Ведущий 1

В ноябре 1914 Маяковский уже обращался к публике: «Довольно! В прошлом году вам нужна была желтая кофта (именно *вам*, а не мне), нужна была вспыльчивость, где дребезгами эстрадного графина утверждаешь правоту поэтической мысли, иначе бы у вас, у публики, не было ступени, чтоб здоровыми, спокойными войти в оглушительную трескотню сегодняшнего дня. Много талантливейших рук работало над тем, чтоб красиво и грозно вылепить лицо теперешней России, — но всмотритесь, вы различите следы и наших пальцев. Правда, у нас было много трюков только для того, чтоб эпатировать буржуа. Но ведь это ж только противодействие желанию истребить нас, а значит и все молодое. <...>

Теперь жизнь усыновила нас. Боязни нет. Теперь мы ежедневно будем показывать вам, что под желтыми кофтами гаеров были тела здоровых, нужных вам, как бойцы, силачей. Сделаем так, чтоб уже никто не посмел лить в наши горна воду недоверия».

Ведущий 2

В гардеробе поэта кофта была не так уж и долго. В конце 1914 Маяковскому нужно было ехать в Петроград, а денег, конечно же, не было.

Так что он вызвал старьевщика, и в числе прочих проданных ему вещей была и жёлтая кофта. Артефакт растворился в вечности, стала легендой! Сама кофта, увы, не сохранилась, но остался лоскут жёлто-чёрной полосатой ткани, из которой она была сшита. Теперь он представлен в экспозиции Государственного музея В.В. Маяковского (Москва).

Лоскут бумазеи, из которой мать поэта, А.А. Маяковская, сшила знаменитую желтую кофту

Ведущий 1

В конце 1913 года Маяковский вместе со своими товарищами-футуристами отправился в турне по России. Для этого путешествия Владимир Владимирович решил обновить свой гардероб и купил несколько вещей, кардинально изменивших его имидж. И снова эстетический шок! Осенью того же года поэт встретился с упоминавшимся уже писателем Бенедиктом Лившицем, который так описал «нового» Маяковского: «Я не сразу узнал его. Слишком уж был он непохож на прежнего, на всегдашнего Володю Маяковского. Гороховое в искру пальто, очевидно купленное лишь накануне, и сверкающий цилиндр резко изменили его привычный облик. Особенно странное впечатление производили в сочетании с этим щегольским нарядом — голая шея и светло-оранжевая блуза, смахивавшая на кофту кормилицы. Маяковский был по-детски горд переменой в своей внешности, но явно еще не освоился ни с новыми вещами, ни с новой ролью, к которой обязывали его эти вещи». Кстати, современники вспоминают, что смокинги и шляпы Маяковский брал напрокат или покупал в недорогом магазине театрального реквизита.

Вера Шехтель. Портрет В.В. Маяковского

Ведущий 2

Маяковский, безусловно, великолепно умел поражать, заставить замирать от неожиданности и восхищения. Одна из современниц Владимира Владимировича, актриса Ия Ильяхенко, вспоминала: «Однажды позвонил мне по телефону и пригласил на поэтический вечер. Я долго не соглашаюсь: «Не хочу, если вы в желтой кофте!». Но он ответил: «Я знаю, как надо заезжать за дамами», — и повесил трубку. Вечером приходит совсем незнакомый — причесанный, в смокинге. Я не смогла скрыть удивления: «Володя, вы ли это?», выходим на улицу, а у крыльца — рысак под сетью. Потом, уже в зале, мы шли по проходу к своим местам, а публика шептала: «Маяковский с Незнакомкой!».

Ведущий 1

Одним из городов в российском турне футуристов была Казань. Они прибыли туда в феврале 1914 года. У одного из лучших фотографов города молодые поэты решили заказать рекламные снимки. Для своей фотографии Маяковский принял эффектную позу: одну руку положил в карман, а в другую взял папиросу и свою любимую трость. Поэт одет подчеркнуто элегантно - цилиндр, строгое пальто, белоснежная рубашка, перчатки.

Этот снимок очень понравился поэту — позже ему часто приходилось подписывать его для поклонников. Сегодня эта фотография — один из самых узнаваемых его портретов.

Маяковский хулиганил и на своих сольных выступлениях. Когда поэт пришел на одно из них, он первым делом нахлобучил цилиндр себе на затылок.

В.В. Маяковский

Двигаясь дальше, Маяковский уже расстанется со своим цилиндром. В марте 1915 на выставке живописи он представил «контррельеф»: на фоне полосатой стены - разрезанный пополам цилиндр с приклеенной к нему перчаткой («Самопортрет» Маяковского).

Ведущий 2

Даже аристократический смокинг Владимир Владимирович превратил в нечто невероятное! Традиционно этот мужской костюм для светских раутов - двубортный пиджак из чёрного тонкого сукна, с шалевым воротником и лацканами из шёлка (чтобы при курении пепел, осыпаясь, соскальзывал по гладкой ткани - потому и «смокинг», от англ. «smoking», «курение»). Но, главное, смокинг был чёрным. Мужской костюм консервативен и небросок. Однако Маяковский не собирался быть «как все»!

Одна из знакомых Маяковского, пианистка Ида Хвасс, к которой Маяковский часто заходил в гости для литературных диспутов вспоминала: «Как-то прихожу домой. Взволнованная горничная Настя, захлебываясь, рассказывает: — Что было! Приходил Владимир Владимирович в новом пальто, в блестящей высокой шляпе, в красном пиджаке, в перчатках кожаных, оставил вот это, сказал, что вечером опять придет. Я не поверила. Но вещественное доказательство — визитная карточка (!), длинный, прозрачный, изысканный картон с длинными желтыми буквами, заставил меня поверить словам Насти. Вечером является: новехонькое английское пальто с черным бархатным воротником. Розовый муаровый смокинг с черными атласными отворотами, жилет из плотного красного атласа с темно-красными бархатными цветами, цилиндр, лайковые перчатки, палка с дорогим набалдашником и всякие «предметы роскоши» вроде портсигара, бумажника и прочего... Впечатление от нового туалета Маяковского было потрясающее».

Розовый лоскуток поэт вложил в письмо к сестре Людмиле, сообщая, что сшил себе вот такой смокинг. Вы вдумайтесь! Розовый! Из муара - шёлка с очень красивыми переливами. Если и есть ткань, которая менее всего годилась на смокинг, то это она. Но какой эффект это должно было производить!

В.В. Маяковский

Ведущий 1

Начиная с 1915 года у Маяковского начинает складываться стиль, который с ним останется на всю оставшуюся жизнь. Определяющим событием для этих перемен (точнее – преображения) стало знакомство с Лилей и Осипом Бриками. Женщина, разумеется, может изменить всё. Так и случилось с Маяковским. Лиля Юрьевна стала для него музой, возлюбленной,

имиджмейкером, наставником-продюсером. Она повлияла не только на творчество поэта, но и на его внешний облик. Лиля настояла на внушительных переменах.

Ведущий 2

Владимир Маяковский и Лиля Брик

Вот перед нами фото 1915 года, на котором Владимир Маяковский и Лиля Брик. С фотографии смотрит красивый юноша, одетый в модное английское пальто и кепку. Сверкает белизной рубашка с пестрой «бабочкой». Его взгляд — взгляд уверенного в себе человека. Начинается новая жизнь, полная неизвестности, борьбы и побед.

Забыты футуристические эпатажные пестрые одежды. В его гардеробе стали появляться сшитые с иголки респектабельные костюмы, противником которых он был еще совсем недавно, уютные джемперы, рубашки пастельных тонов и подобранные к ним галстуки или бабочки. Не стало и знаменитой взлохмаченной шевелюры. Вместо нее - красивая, аккуратная стрижка. В окружении поэта ехидно замечали, что Владимир Владимирович стал походить на буржуа.

В.В. Маяковский

Ведущий 1

Трудно сказать, с каких пор Маяковский стал носить с собой трость. В воспоминаниях Лили Брик она называется «палкой». Трость была увесистой и не только занимала, но и нагружала руки. Так как Маяковский опасался нападений, «палка» служила и средством защиты.

После Первой мировой войны трость перестала быть популярным атрибутом мужского костюма, но Маяковский продолжал использовать ее как элемент своего стиля. «У него трость в руке. Он не столько ударяет ею по земле, сколько размахивает в воздухе», — вспоминал писатель Юрий Олеша.

Владимир Маяковский и Лилия Брик

Позже Маяковский приобретал трости во время каждого своего путешествия, и в коллекции поэта насчитывалось более десятка экземпляров. Особенно поэт был привязан к трости, которую ему подарил мексиканский художник Диего Ривера. На ней были вырезаны изображения разных животных и растений. Обычно такие «жезлы» делались для губернаторов, национальных героев и особо почетных гостей.

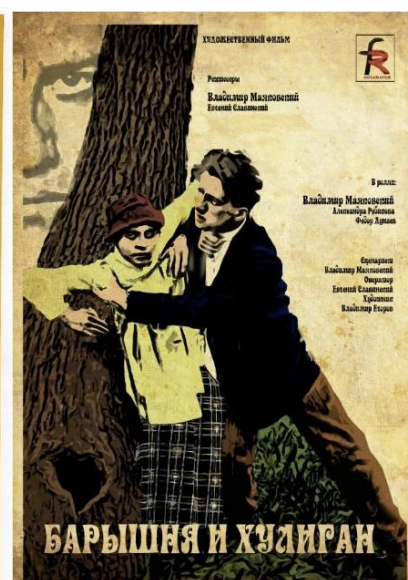
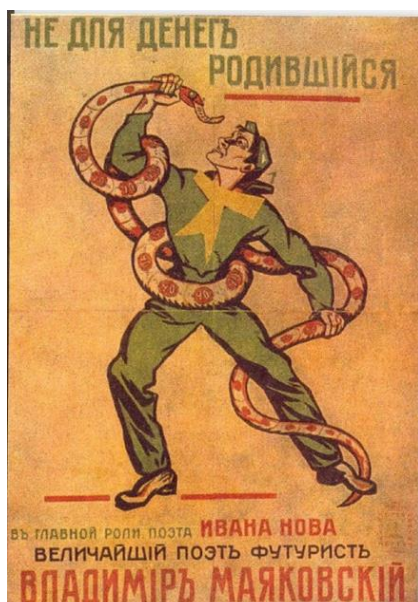
Трость, подаренная Владимиру Маяковскому Диего Ривейрой

В.В. Маяковский

Ведущий 2

Роману с Лилей Брик Маяковский обязан и роману с кинематографом. Как известно, Владимиром Владимировичем было написано 13 киносценариев. В 1918 году в трех кинофильмах, поставленных на киностудии «Нептун» («Не для денег родившийся», «Закованная фильмой», «Барышня и хулиган»), он снялся сам в главной роли. Кинокадры дают нам уникальную возможность увидеть, как двигался, жестикулировал и носил одежду Владимир Владимирович.

Ведущий 1

Шла Гражданская война, кругом царила разруха. У киностудии, конечно, не было денег на реквизит. Каждый актер, в том числе и Маяковский, при съемках вынужденно использовал собственный гардероб. Причем для ролей Владимир Владимирович придумывал костюмы самостоятельно, рисовал

эскизы, а потом просил мать и сестер перешить его старые вещи по новым лекалам. Играл Маяковский без грима и выбирал пьесы, в которых мог выразить свое отношение к жизни и по-новому раскрыть самого себя. Красивый, обаятельный, под внешней грубостью прячущий нежность и ранимость, романтик и бунтарь. Это был комплекс качеств и чувств, роднящих исполнителя роли с персонажем.

Ведущий 2

В основу сюжета фильма «Не для денег родившийся» был положен перенесенный на «русскую почву» популярный роман Джека Лондона «Мартин Иден». Герой Владимира Владимировича Иван Нов (Иванов новая персонификация нарицательного русского имени) – рабочий, ставший поэтом. Он и герой, и романтик, и сам Маяковский.

Обратимся к сохранившимся фотографиям. На одном из снимков Маяковский в длинном плаще, в шарфе, повязанном в виде банта, украшающем его скромный костюм. Это фото напоминает юного Маяковского из Училища живописи, ваяния и зодчества, где на поэте его любимый аксессуар — желтый бант. И здесь он прибегает к испытанному способу — аксессуару, который может хоть как-то украсить его наряд.

В.В. Маяковский в роли Ивана Нова

В конце фильма Маяковский одет как денди: в щегольском костюме, в цилиндре, плаще, с тростью, в брюках по моде тех лет.

Но если цилиндр и визитку можно было взять напрокат, то с брюками было сложнее, учитывая рост Маяковского. Но Владимир Владимирович всегда находил выход из любого положения. Как оказалось, в соседнем павильоне снимался товарищ Осипа Брика — актер Олег Николаевич Фрелих (он был такого же роста, как и Маяковский). Таким образом поэт «добыл»

брюки в рубчик из модной гриделеновой ткани (ткань серого цвета в мелкую полоску, чаще черную, реже — белую).

Маяковский в роли Ивана Нова в кинокартине «Не для денег родившийся»

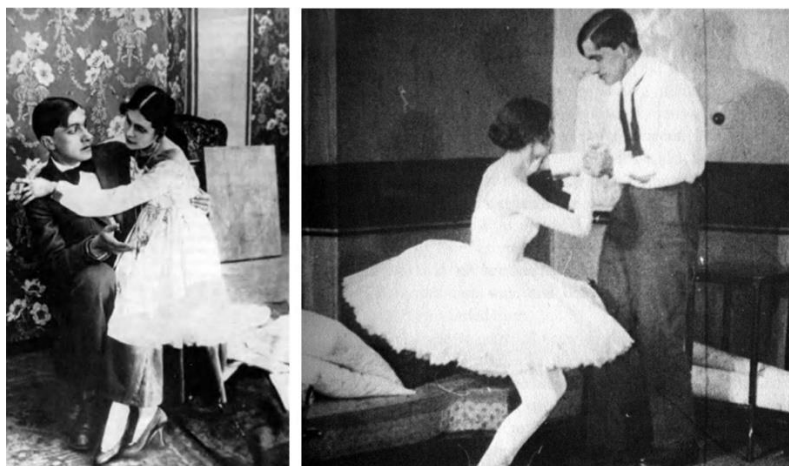
Ведущий 1

В мае 1918 года начались съемки по сценарию Маяковского «Закованная фильмой». Слово фильм, тогда употреблявшееся в женском роде, здесь усиливала магию женского присутствия, значимости женщины.

Лиля Брик, одно время занимавшаяся классическим балетом, играла балерину. В нее, увидев фильм «Сердце экрана», влюблялся герой Маяковского (художник). Барышня сбегала к нему с экрана, потом покидала его, снова появлялась и, наконец, возвращалась в «фильму» навсегда.

Владимир Владимирович, как видим на сохранившихся фото, одет очень элегантно-аристократический, в стиле модерн – респектабельный костюм, безупречно белая рубашка, дополненная элегантным галстуком- бабочкой.

К сожалению, от этого фильма осталось лишь несколько забракованных фрагментов.

Лиля Брик и Владимир Маяковский в фильме «Закованная фильмой»

Ведущий 2

За основу сценария единственного сохранившегося фильма с участием Маяковского «Барышня и хулиган» взят рассказ итальянского писателя Эдмондо де Амичиса «Учительница рабочих». Действие перенесено в провинциальный российский городок. Незамысловатую фабулу сохранили: молодой рабочий, не отличающийся благонамеренным поведением, влюбляется в учительницу вечерней школы для взрослых. Хулиган начинает посещать её занятия, перевоспитывается и вступает в конфликт со шпаной, которая была когда-то его ближним кругом. Такая трогательная история в духе «Весны на Заречной улице». В этом фильме Маяковский – хулиган, одетый в косоворотку и дешёвый пиджак. Владимир Владимирович просил сестру перелицевать его старый костюм. Именно в нем он сыграл главного героя — хулигана с рабочей окраины.

В.В. Маяковский в фильме «Барышня и хулиган»

Ведущий 1

До 1922 года (первой зарубежной командировки) Владимир Владимирович одевался довольно скромно. После Гражданской войны положение в стране было тяжелое. Царила разруха, не хватало продуктов, а тем более красивой одежды. Лиля Юрьевна Брик в 1921–1922 годах впервые выехала в Ригу, Берлин и Лондон. В Москву стали приходить от нее посылки с продуктами и одеждой для Брика и Маяковского. Она продолжала заниматься имиджем поэта, подбирая ему вещи по своему вкусу. Лилия Юрьевна привозила Брику и Маяковскому рубашки, галстуки, мелкие мужские аксессуары.

Ведущий 2

Но после первой поездки Владимира Маяковского за рубеж в 1922 году все меняется. Владимир Владимирович уже самостоятельно работает над своим имиджем. Он покупает вещи за границей, в основном в Париже: рубашки, галстуки, костюмы-тройки. Маяковский предпочитал импортную

одежду не потому, что она была более дорогой и «статусной», а потому, что она была качественной и действительно комфортной.

Из зарубежного вояжа Маяковский обязательно привозил шляпы — широкополые с четкими архитектурными линиями. Об этом свидетельствует берлинская фотография Владимира Владимировича.

В.В. Маяковский

На фото Маяковский в широкополой шляпе, надетой под точно рассчитанным углом, что придает его лицу изысканную элегантность, поля изящно изогнуты. Отныне шляпа станет неизменным аксессуаром Владимира Владимировича, хотя в повседневной жизни он будет предпочитать кепки. Еще одна интересная деталь: на подкладке шляп Маяковского появятся металлические овальные пластины с его монограммой «М». Белоснежный ворот рубашки затянут тугим узлом модного галстука. В уголки ворота рубашки продернута модная булавка. В петлице пиджака — кожаный ремешок (тоже по моде тех лет), на котором укреплены карманные часы, находящиеся в верхнем левом кармане пиджака. Часы для Маяковского были не только модным аксессуаром, но и предметом первой необходимости. Сразу вспоминаются его рекламные плакаты для ГУМа:

Человек

только с часами.

Часы

только Мозера.

Мозер

только у ГУМа.

В другой рекламе поэт призывает:
 Самый деловой,
 аккуратный самый
 В ГУМе
 обзаведись
 мозеровскими часами.

Ведущий 1

Пролетарскому поэту Маяковскому оказался вовсе не чужд комфортный буржуазный отдых. Это наглядно подтверждает знаменитая фотосессия Маяковского на острове Нордернай (Германия, лето 1923 г.). Она запечатлела безоблачную летнюю идиллию. «Он молодой, как шестнадцатилетний, веселый», - вспоминает о Маяковском литератор Виктор Шкловский.

Виктор Шкловский и Владимир Маяковский

Днем они купались, ловили крабов и загорали: «Маяковский играл с морем, как мальчик». Владимир Владимирович предстает в модном и эффектном купальном костюме-трико черного цвета (верхняя часть которого типа майки, нижняя — как длинные трусы) с белой отделкой по вороту, проймам и краю трусов. Сегодня этот купальный костюм можно увидеть в Государственном музее В.В. Маяковского. Владимир Владимирович наглядно

демонстрировал, что «нет на свете лучше одежды, чем бронза мускулов и свежесть кожи».

Владимир Маяковский и Лиля Брик

Маяковский. Нордернее. 1923

Маяковским, продолжала служить залогом успеха. Достойна самого престижного модного журнала фотосессия замечательного фотографа Александра Родченко.

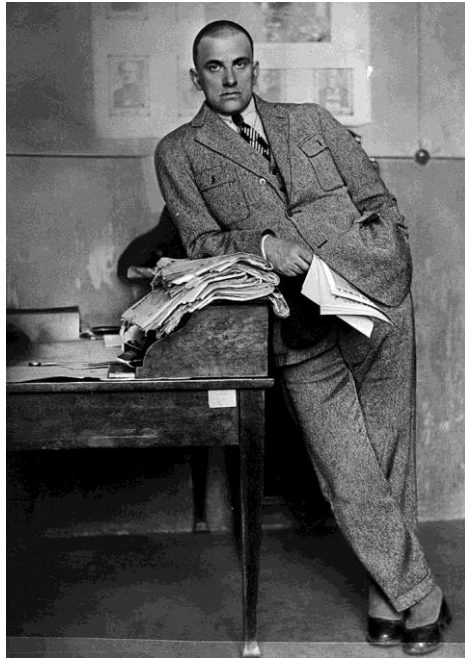
Маяковский – брутален, загадочен, сдержан, одет с иголочки, безупречно.

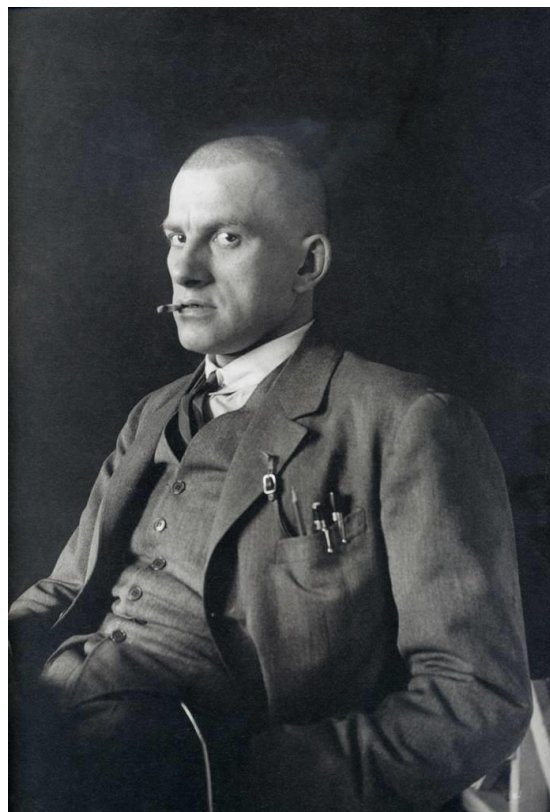
В.В. Маяковский, фото А.М. Родченко

В.В. Маяковский, фото А.М. Родченко

В.В. Маяковский, фото А.М. Родченко

В.В. Маяковский, фото А.М. Родченко

Ведущий 1

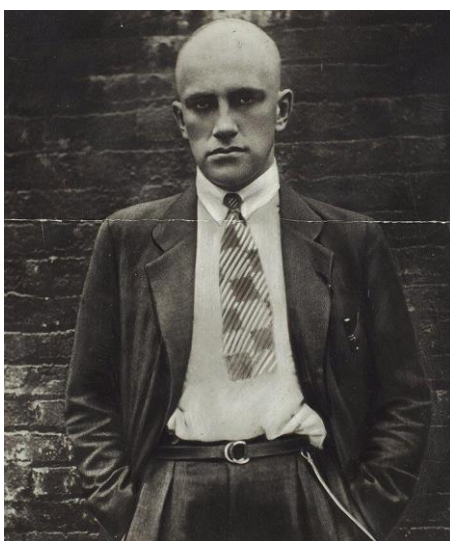
В 1923 году Маяковский создал журнал «ЛЕФ», в котором, кроме прокоммунистических произведений, публиковал рисунки одежды для улиц и быта. Разработкой костюмов занимались художницы-авангардистки Варвара Степанова и Людмила Попова, которые специально для этого устроились на Первую ситценабивную фабрику. В результате девушки вместе с Маяковским

и Родченко ввели в моду геометрический орнамент тканей — до этого ситец украшали только цветочками.

В это же время сестра Владимира Маяковского — Людмила Владимировна — работает на Трехгорной мануфактуре и заведует аэрографической мастерской. Возможно, тогда же, следуя новым тенденциям, способом аэрографии она создает ткань с геометрическим рисунком, из которой шьет Владимиру Владимировичу галстук. Это был «самовяз» из светло-серого шелка с ромбами в прямоугольниках в сине-серой гамме. Такие галстуки с геометрическим рисунком были новым словом в отечественной моде, как и сами ткани.

Шелковый галстук самовяз В.В. Маяковского

В.В. Маяковский в шелковом галстуке-самовязе, созданном сестрой Людмилой

Ведущий 2

В 1927 году Маяковский отправляется в тур по России с циклом лекций о моде и стиле под названием «Даешь изящную жизнь!». Маяковский боролся не только с безграмотностью рабочих и крестьян, но и с безвкусицей и неряшливостью. Владимир Владимирович рассказывал о моде и стиле. Был социальный запрос, сконструированный эпохой НЭПа, модой на все иностранное, иногда бездумной. Против безвкусицы, против пережитков прошлого и выступает Маяковский. Он любил хорошие, качественные вещи: хорошо сшитый костюм, накрахмаленные белоснежные рубашки, красивую удобную обувь. К сожалению, в то время в нашей стране о модных хороших вещах можно было только мечтать.

В.В. Маяковский

Ведущий 1

Некоторая франтоватость Маяковского может изначально показаться несовместимой с его приверженностью «пролетарскому» стилю, но на самом деле здесь была несокрушимая логика: Маяковский считал, что для советского человека затрапезность и неряшливость недопустимы и что новый уклад жизни должен быть замечен в том числе и во внешнем виде. Маяковский всерьез считал, что, прививая советским людям культуру гигиены, объясняя основы стиля, показывая, что он считает красивым и аккуратным, делает важное и нужное дело. Примечательно стихотворение «Даёшь изящную жизнь!», написанное в связи с кампанией, которую вел комсомол против обывательски-мещанских представлений об «изящной» жизни, распространившихся среди части молодежи тех лет.

Чтец

Даже
мерин сивый
желает
жизни изящной

и красивой.
Вертит
Игриво
хвостом и гривой.
Вертит всегда,
но особо пылко —
если
навстречу
особа-кобылка.
Еще грациозней,
еще капризней
стремится человечество
к изящной жизни.
У каждого класса
свое понятие,
особые обычаи,
особое платье.
Рабочей рукою
старое выжми —
посыплются фраки,
полюются фижмы.
Царь
Безмятежно
в могилке спит...
Сбит Милюков,
Керенский
сбит...
Но в быту
походкой рачьей
пятятся многие
к жизни фрачьей.
Отверзаю
поэтические уста,
чтоб описать
такого хлюста.
Запонки и пуговицы
и спереди и сзади.
Теряются
и отрываются
раз десять на́ день.
В моде
в каждой
так положено,
что нельзя без пуговицы,
а без головы можно.

Чтоб было
Оправдание
для стольких запонок,
в крахмалы
туловище
сплошь заляпано.
На голове
прилизанные волосы,
посредине
пробрита
лысая полоса.
Ноги
давит
узкий хром.
В день
обмозолишься
и станешь хром.
На всех мизинцах
аршинные ногти.
Обломаются —
работу не трогайте!
Для сморкания —
пальчики,
для виду —
платочек.
Торчит
из карманчика
кружевной уголок.
Толку не добьешься,
что ни спроси —
одни «пардоны»,
одни «мерси».
Чтоб не было
ям
на хилых грудях,
ходит,
в петлицу
хризантемы вкрутя.
Изящные улыбки
настолько тонки,
чтоб только
виднелись
золотые коронки.
Косится на косицы —
стрельнуть за кем? —

и пошлость
про ландыш
на слюнявом языке.
А
в очереди
венерической клиники
читает
усердно
«Мощи» Калининкова.
Таким образом
день оттрудись,
разденет фигуру,
не мытую отродясь.
Зевнет
и спит,
излюблен, испит.
Отхлама
в комнате
тесней, чем в каюте.
И это называется:
— Живем-с в уюте! —
Лозунг:
— В ногах у старья не ползай! —
Готов
ежедневно
твердить раз сто:
изящество —
это стопроцентная польза,
удобство одежд
и жилья простор.

(В.В. Маяковский «Даёшь изячную жизнь»)

Ведущий 2

В 1928-м вышел первый номер журнала «Искусство одеваться», где художники, философы и писатели спорили на тему внешнего вида рабочего класса.

Позже дискуссия перетекла в другие издания и тексты — например, режиссер и хореограф Николай Фореггер написал очерк «Штаны и юбки», объяснив преимущество коротких юбок перед длинными платьями, необходимость носовых платков и пристегивающихся воротников для гигиены. До конца своей жизни поэт боролся с серостью «коммуновых лавок». Маяковский участвовал в пропаганде так называемой «новой моды» и декларировал в «Стихотворении одежно-молодежном» шить больше одежды для юных граждан страны Советов.

Чтец

В известном октябре
известного годика
у мадам
реквизнули
шубку из котика.
Прождав Колчака,
оттого и потом
протилась
мадам
со своим мантом.
Пока
Добивали
деникинцев кучки,
мадам
и жакет продала на толкучке.
Мадам ожидала,
дождаться силась,
и туфли,
глядишь,
у мадам износились.
Мадамью одежду
для платья удобного
забыли мы?
Ничего подобного!
Рубли
Завелись
у рабочей дочки,
у пролетарки
в красном платочке.
Пошла в Мосторг.
В продающем восторге
ей
жуткие туфли
всучили в Мосторге.
Пошла в Москвошвей —
За шубкой,
а там ей
опять
преподносят
манто мадамье.
В Тэжэ завернула
и выбрала красок
для губок,
для щечек,

для бровок,
для глазок.
Из меха —
смех
накрашенным ротиком.
А шубка
не котик,
так — вроде котика.
И стал
у честной
рабочей дочки
вид,
что у дамы
в известном годочке.
Москвошвей —
залежались
котики и кошки.
В руки
моды
вожжи!
Не по одежке
протягивай ножки,
а шей
одежи
по молодежи.

(В.В. Маяковский «Стихотворение одежно-молодежное»)

Ведущий 1

Неудивительно, что даже поиск хороших мужских носков в «коммуновых лавках» вызывал бесконечное раздражение поэта, одно из стихотворений так и называлось «Поиски носков». Уже в самом названии поставлена проблема, казалось бы, мелкая, будничная. Однако у Маяковского она перерастает в глобальный вопрос о качестве производимой продукции на госпредприятиях. С каким порой юмором и вместе с тем с каким чувством горечи описывает свои хождения по магазинам в поисках носков Владимир Владимирович.

Чтец

В сердце
 будто
 заноза ввинчена.
Я
 разомлел,
 обдряб
 и раскис...
Выражаясь прозаично -

у меня
 продрались
 все носки.

Кому
 хороший носок не лаком?

Нога
 в хорошем
 красива и броска.

И я
 иду
 по коммунальным лавкам
в поисках
 потребного носка.

Одни носки
 ядовиты и злы,
стрелки
 посажены
 косо,
и в ногу
 сучки,
 задоринки
 и узлы
впиваются
 из фильдекоса.

Вторые -
 для таксы.
 Фасон не хитрый:
растопыренные и коротенькие.

У носка
 у этого
 цвет
 панихиды
по горячо любимой тетеньке.

Третьи
 соперничают
 с Волгой-рекой -
глубже
 волжской воды.

По горло
 влезешь
 в носки-трико -
подвязывай
 их
 под кадык.

Четвертый носок

ценой раззор
и так
 расчерчен квадратно,
что, раз
 взглянув
 на этот узор,
лошадь
 потупит
 испуганный взор,
заржет
 и попятится обратно.
Ладно,
 вот этот
 носок что надо.
Носок
 на ногу напяливается,
и сразу
 из носка
 вылазит анфилада
средних,
 больших
 и маленьких пальцев.
Бросают
 девушки
 думать об нас:
нужны им такие очень!
Они
 оборачивают
 пудренный нос
на тех,
 кто лучше обносочен.
Найти
 растет старание
мужей
 поиностранные.
И если
 морщинит
лба лоно
 меланхолическая нудь,
это не значит,
 что я влюбленный,
что я мечтаю.
 Отнюдь!..
Из сердца
 лирический сор

Иные
причины
моей тоски:
я страдаю...
Даешь,
госорганы,
прочные,
в пору,
красивые носки!

(В.В. Маяковский «Поиски носков»)

Ведущий 2

Особенным фетишем для Маяковского была красивая качественная обувь, о которой он мечтал еще ребенком. В зарубежных командировках Маяковский покупал себе добротную обувь.

Голландский журналист Нико Рост вспоминал, как Маяковский обрадовался их встрече в Берлине и попросил его пойти с ним в обувной магазин, чтобы подобрать себе ботинки: «Мы зашли в один из больших обувных магазинов, и я перевел продавцу желание поэта. Принесли десяток пар разнообразных туфель, но взгляд его не задержался ни на одной из них до тех пор, пока ему не показали пару невысоких темных спортивных ботинок на толстой двойной подошве. «Самые дорогие, — сказал продавец, — лучшее из того, что мы получили». Он заметил, как придирчиво и внимательно Маяковский выбирал обувь — в этом не было ничего нарочитого или высокомерного, он неизменно оставался добродушен и любезен. Выбрав темные спортивные ботинки на толстой подошве, он сразу же надел их и, когда мы вышли из магазина, сказал, показывая на свои прекрасные новые туфли: «Большие, дорогие и крепкие, как сама Россия».

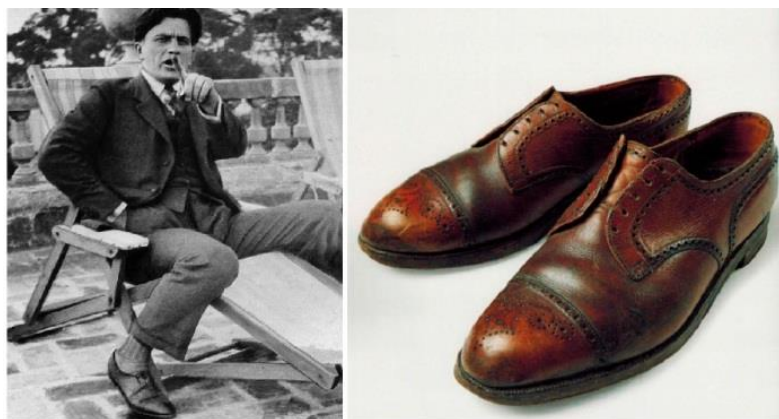
Находясь в Париже, Маяковский купил себе туфли фирмы «Вестон», которые называл «вечной вещью». Чтобы туфли не так быстро снашивались, он набивал на каблуки и носки металлические подковки металлические набойки, благодаря чему о приближении поэта было известно еще до того, как он появлялся на месте. В стихотворении «Бродвей» он написал:

«Асфальт — стекло.

Иду и звеню.

Леса и травинки —

Сбриты».

В.В. Маяковский и его знаменитые ботинки

Обувь должна была быть начищена до зеркального блеска. Выходя из своей квартиры, Владимир Маяковский всегда останавливался у одного и того же чистильщика обуви на углу.

Ведущий 1

Сам поэт тогда уже был общепризнанным модником. От хмурого бунтаря в Маяковском не осталось ничего. Татьяна Яковлева, у которой в Париже начался с Маяковским роман, писала: «Он напоминал английского аристократа и выправкой, и одеждой и уж никак не связывался с тем образом, который слагался в моем сознании из его футуристической желтой кофты, скандальных выступлений, режущего бритвой острословия и шумной славы пролетарского поэта-трибуна».

В Париже Маяковский приобретает себе модное пальто фасона «реглан», двубортное, с отложным воротником и прорезными карманами, на подкладке из шерстяной байки. Ткань пальто — добротная, модной расцветки, «в елочку». Владимир Владимирович был высокого роста, в то время в России не было специализированных магазинов, где можно было купить пальто на такой рост. Вероятно, пальто было сшито в Париже в ателье, о чем свидетельствует пришитая к подкладке бирка. До этого поэт на многих фотографиях запечатлен в недорогой куртке с меховым воротником, которая была куплена в Америке.

В.В. Маяковский

Ведущий 2

Друзья Маяковского вспоминали, что в повседневной жизни поэт не гнался за модой. Когда не нужно было выходить в свет, он предпочитал удобную и простую одежду. Например, уютную клетчатую рубашку.

В.В. Маяковский

Были вещи, становившиеся любимыми, которые можно видеть на фотографиях разных лет — к примеру, знаменитый джемпер, который подарила Маяковскому в 1925 году в Америке Мария Бурлюк. В нем он появляется и на фотографиях 1927 года, и на снимках с выставки „Двадцать лет работы“ в 1930 году. Этот джемпер сохранился, на нем даже видны следы штопки.

В.В. Маяковский

В.В. Маяковский

Еще одной знаковой вещью для Маяковского стал бушлат. Поэт был популяризатором зарождающихся модных тенденций, а бушлат в начале XX века как раз переходил из разряда военной в разряд повседневной одежды.

В.В. Маяковский

Ведущий 1

Многие осуждали Маяковского за франтовство, считали выскочкой. Один из старейших ленинградских литераторов, Илья Березарк, вспоминал:

«В те времена забота о своей внешности считалась явным признаком буржуазности. Многие одевались нарочито небрежно — я, мол, не какой-то нэпманский щеголь. Ох, и досталось мне, когда я явился в гостиницу к Маяковскому в «затрапезном» виде.

« — Это что у вас — патент на пролетарское происхождение, — издевался он. — Вот вы, журналист, встречаетесь с разными людьми, что могут подумать не только о вас, о всей советской прессе?

Я пытался возражать. Ведь сам Маяковский выступал против «красоты».

- Кто вам это сказал? «Или вы сами придумали?» — спросил поэт.

Человек должен быть красивым внутренне и внешне, и замечать красоту вокруг».

Сам Маяковский, может быть, не был красивым в обычном понимании слова, но он был статен, очень пластичен, умел красиво носить свой скромный пиджак, свой джемпер. Даже в его внешнем облике чувствовалось обаяние поэта».

Ведущий 2

Парадоксально - поэт, которого большинство воспринимает как главного обличителя зажиточного буржуя, так стремился окружить себя красотой в быту — от бумаги для письма до идеально отутюженных брюк. Для Маяковского безупречная наружность служила отражением соответствующего внутреннего устройства человека. Владимир Владимирович начинал с бунтарских экспериментов, но с возрастом пришел к формуле «ничего лишнего»: влитую посаженный костюм-тройка, начищенные до блеска ботинки и дорогие часы. И, конечно, отменный вкус — без этого никуда. Обладая хорошим вкусом, Маяковский выбирал не только модные вещи, но и всегда обращал внимание на качество.

Ведущий 1

Владимир Маяковский любил, чтобы костюм на нем сидел безупречно. Современники подчеркивали, что у него было врожденное чувство вкуса.

Владимир Владимирович не любил накапливать вещи. В его гардеробе их было немного, но все были только добротные, качественные и красивые.

Поэт производил феерическое впечатление на окружающих и знал это. Среди тех, кто попал под его обаяние, был знаменитейший модельер Ив Сен-Лоран. Хотя они не были знакомы лично, в доме Ив Сен-Лорана висел портрет Маяковского.

Как справедливо заметил известный модельер Вячеслав Зайцев, «Маяковский мог тонко, изысканно, с высочайшим профессионализмом одеваться в стиле „haute couture“ (высокая мода), с пониманием истины, что «вкус молчалив».

Ведущий 2

Маяковский осознавал свою ответственность перед читателями. И свою влияние. Фактически он стал предтечей современных рок-звезд — на его выступления ломались, ему подражали, его слушались.

Владимир Владимирович являлся непререкаемым авторитетом для своего времени, его лидерство было безусловным не только в литературной и художественной областях. Маяковский оказал влияние буквально на весь уклад жизни страны в переломную эпоху.

Стиль поэта не утратил актуальности и сегодня. Потому Владимир Маяковский для нас вне моды, вне времени и наш диалог с ним продолжается ... Нам до сих пор есть чему у него поучиться. И не только в области литературы. Владимир Владимирович и в XXI веке преподносит блестящие уроки сотворения яркого и смелого творческого и человеческого имиджа.

Не забывайте о книгах Маяковского и литературе о нем! Их можно найти у нас в библиотеке.

Для получения дополнительной информации загляните в книги:

- Брик, Л. Ю. Пристрастные рассказы. - 2-е изд., испр. и доп. / Л. Ю. Брик, Авт. проекта и гл. ред. Я. И. Гройсман. - Н. Новгород : ДЕКОМ, 2004. - 328 с., ил. - (Имена).
- Быков, Д. Л. Тринадцатый апостол. Маяковский : трагедия-буфф в шести действиях / Дмитрий Быков. - [3 изд.]. - М. : Молодая гвардия, 2017. - 827 с.
- Владимир Владимирович Маяковский // Еремин В. Н. 100 великих поэтов. - Москва, 2008. - С. 433-441.
- В. В. Маяковский (1893-1930). Очерк жизни и творчества // Русская литература XX в. : В 2-х тт. / Под ред. Л. П. Кременцова. - Т. 1. - С. 415.
- Голубков М. М. Владимир Маяковский: до и после пятого акта трагедии // Голубков М. М. Русская литература XX века. После раскола. - Москва, 2002. - С. 117.
- Имя этой темы – Любовь: 6 Современницы о Маяковском – Москва: Дружба народов, 1993. – 335 с. – (Литературные мемуары. Век XX).
- Инин, А. Маяковский. Два дня [Текст] : телероман / Аркадий Инин, Наталия Павловская. - М. : АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. - 448 с.
- Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского / Ю. А. Карабчиевский. - Москва: Советский писатель, 1990. - 224 с.
- Маяковский в зеркале мифов [Электронный ресурс] – Режим доступа. - https://studopedia.ru/7_45763_mayakovskiyv-zerkale-mifov.html.
- Маяковский от А до Я [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - <https://arzamas.academy/materials/736>
- Миронова, Н. Жив ли сегодня Маяковский? [Электронный ресурс] / Н. Миронова. – Режим доступа. - <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200100103>
- Михайлов, А. А. Маяковский / А. А. Михайлов. - Москва: Молодая гвардия, 1988. - 559 с. - (Жизнь замечательных людей).

•Рыжов, К.В. Владимир Маяковский / К. В. Рыжов // Сто великих имен Серебряного века. - 2011. - С. 149-153.

•Янгфельдт, Б. Любовь – это сердце всего: В.В.Маяковский и Л.Ю.Брик: переписка 1915-1930: репринтное издание. /Б.Янгфельдт. – Москва: Книга, 1991. – 286с.